

ПО
СТРАНИЦАМ
САЙТА
«ВОЕННАЯ
РАЗВЕДКА»

www.vrazvedka.ru

*Издание напечатано и сброшюровано на цифровом оборудовании
фирмы Konica Minolta.*

Виктор ЛЕОНОВ

Дважды Герой Советского Союза
капитан 1-го ранга

УРОКИ МУЖЕСТВА

«...Советские воины совершали дерзкие налеты в тыл, ходили в глубокую разведку, проводили местные операции по улучшению линии фронта...

Гитлеровцы продолжали подбрасывать на Север подкрепления и по суше, и по воздуху, и морем. На полуострове Варангер в горах обосновалась в тылу противника разведгруппа отряда особого назначения Северного флота. Три смельчака во главе с В. Лянде регулярно сообщали своему командованию о движении вражеских транспортов по Варангер-фьорду. Из сообщений, пересылаемых и нам, явствовало, что район между Петсамо и Киркенессом быстро наполняется войсками...

Обширные безжизненные пространства, покрытые дикими скалами, девственными лесами и топкими болотами. Через эти «ничейные» земли разведывательные подразделения проникали в тыл, нападали на вражеские коммуникации, штабы и узлы связи, взрывали склады и собирали информацию...»

*К. А. Мерецков
На службе народу. Страницы воспоминаний
М., Воениздат, 1969*

ВСТУПЛЕНИЕ

Леонид Леонов писал: «Подвиг, как и талант, сокращает путь к цели». С этим нельзя не согласиться. Героический поступок, деятельность одного или нескольких людей являются действенным примером для остальных членов общества в борьбе за определенную цель.

И, как в каждой борьбе, здесь были жертвы, но, даже умирая, человек знал, что он умирает за светлое будущее грядущих поколений. Это подвиг! Значит, справедливо изречение, что человек рожден для подвига. Совсем не случайно так много мечтают о подвигах молодые люди.

Великий русский писатель-сатирик М. Салтыков-Щедрин говорил: «Одно остается небезрассудным и неизменным — это жажда подвига. В этой жажде трепещет живое человеческое сердце, скрывается пылливый и никогда не успокаивающийся человеческий разум».

Жажда подвига! Это хорошо или плохо? Безусловно, хорошо, если эта жажда питается желанием принести пользу Родине, обществу и исходит из реальной оценки своих возможностей. И очень плохо, если эта жажда подвига вызвана только эгоистическим желанием отличиться.

В борьбе за героя нашего времени важное место принадлежит ветеранам войны и труда. Встречаясь с молодежью, они рассказывают юношам и девушкам о поведении человека в сложных ситуациях боя или труда, о психологии подвига, о том, что высший подвиг — это образцовое выполнение своего воинского или трудового долга, это постоянное, беззаветное служение Родине.

Горячая жажда смелых дел и поступков всегда была присуща нашей молодежи. Но одного желания следовать примеру героев недостаточно для того, чтобы в минуту суровых испытаний действительно оказаться достойным их преемником. Это понимают молодые ребята, поэтому они ищут встреч с ветеранами, вникают в сущность их рассказов, ждут откровенных разговоров.

Для нас, фронтовиков-ветеранов, война не стала историей. Мы помним все: и огонь отгремевших битв, и сожженные города и села, и павших на полях сражений друзей, и титанический труд работни-

ков тыла, и радость добытых побед... Мы не только помним, но и хотим, чтобы и молодое поколение поняло, во имя чего и как боролись их отцы и деды. И мы с большой радостью встречаемся с молодежью. Каждая встреча с молодыми — это как бы свидание с опаленной огнем собственной юностью, которая делает нас моложе, бодрее, активнее. Это своеобразные уроки мужества. Мы знаем, как тяжело бывает порой идти тропкою подвига, знаем, что в смертельных схватках с врагом погибает прежде всего тот, кто не сумел воспитать в себе мужество. И поэтому мы хотим, чтобы молодые люди преодолевали все трудности, побеждали и жили светлой, радостной жизнью.

Подвиг — это не удел избранных, это обязанность каждого человека. Но если мы согласимся с тем, что каждый обязан совершить подвиг, то, вероятно, необходимо правильно понимать его суть.

ЧТО ТАКОЕ ПОДВИГ?

Подвиг! Многие, очень многие люди видят в нем смысл своей жизни. Думаю, не ошибусь, сказав, что почти каждый честный молодой человек мечтает о подвиге. Пусть не всегда он думает о каком-то особом смелом поступке, самой судьбой предугаданном для него, но, по крайней мере, страстно мечтает стать известным Родине, народу в труде, искусстве, спорте и особенно в ратных делах. Известным тем, что своим трудом оставил людям память о себе.

Когда слышу фразу: «Вот это настоящий мужчина», я вспоминаю своих сверстников, двадцати-, тридцатилетних парней. Все это люди ну абсолютно ничем не выдающиеся, удивительно простые, доступные, невозмутимые, темпераментные в живом и непосредственном восприятии жизни. Но ничего в них не было и нет такого особенного, неучтенного, что ли... Все это люди родные, близкие тебе, быть может, и незнакомые, с которыми судьба свела впервые. Но это — настоящие мужчины. Потому что они видят, понимают смысл жизни и подчиняют себя ему всецело, потому что они упрямо подставляют грудь встречному ветру и идут себе, идут, как бы ни было им трудно, к великой жизненной цели, не размениваясь по мелочам, не поддаваясь сомнительным соблазнам, затуманивающим великую перспективу службы людям, службы Родине.

Именно с такими я шел в суровый бой. И никогда не ошибался в них. Там, где на человека можно положиться, где он не подведет, даже если придется поступиться своим благополучием, а то и самой жизнью во имя Родины, во имя высоких целей, — там и начинается мужчина.

Мужчина и подвиг — понятия, на мой взгляд, неразделимые. Только настоящий мужчина, сильный и мужественный, крепкий духом и телом, вооруженный знаниями и мастерством, вдохновленный любовью к Родине, к людям, способен на подвиг.

Тропа подвига, еще раз подчеркну, крута, извилиста, трудна и камениста. Она требует не только знаний и физических сил, она требует, чтобы человек был психологически настроен на победоносную борьбу с любыми трудностями и опасностями. И нашу молодежь привлекает эта тропа! Она рвется на нее, жаждет испытать себя на прочность.

В годы Великой Отечественной войны я служил в разведывательном отряде Северного флота. Был рядовым разведчиком, старшиной группы, затем возглавил отряд. В нашу задачу входило ведение разведки в тылу противника в интересах флота и фронта, с которым он взаимодействовал. Скрытно высаживаясь на побережье, занятом врагом, с кораблей, чаще всего торпедных катеров и морских охотников, мы пробирались к нужному объекту и дерзко нападали на врага, застигая его врасплох. Добыв «языка», то есть пленного, и ценные штабные документы, отряд по всем правилам ведения разведки отходил на свои корабли. Пленные и документы использовались штабами фронта и флота для планирования операций.

Каждый такой поход был трудным и опасным. Чтобы выполнить поставленную задачу, разведчику требовались высокие морально-боевые качества, незаурядное боевое мастерство, воля, выдержка, дисциплина, умение повиноваться, высокое чувство ответственности за порученное дело, дружбы, товарищества, взаимопомощи. Воинское мастерство, отвага и бесстрашие в сочетании с любовью к Родине делали разведчика неуловимым для врага.

Нередко наш отряд шел в огонь первым, чтобы обеспечить высадку на сушу крупных сил морской пехоты. Мы внезапно нападали на штабы, батареи, важные тыловые объекты врага и уничтожали их в дерзкой схватке.

Конечно, на примерах из времен минувшей войны можно ярче показать психологию человека в очень сложной и опасной ситуации. Однако иногда это приводит к неправильному пониманию сути подвига, и молодые люди начинают думать, что для подвига обязательно нужна схватка на поле брани, где герой, презирая смерть, смело бросается вперед на врага.

Я убежден, что любой подвиг, даже подвиг мирных дней, обязательно связан со смелостью, с мужеством, отвагой. Но можно ли считать каждый смелый поступок подвигом, если он совершен даже в бою?

Однажды группа разведчиков оказалась в очень тяжелом положении. Мы выполнили боевую задачу в тылу врага, но были отрезаны от материка на мысе Могильном значительными силами противника. Против горстки разведчиков враг бросил и пехоту, и артиллерию, и минометы. Вся эта мощь была нацелена на маленький клочок земли, который мы занимали. Нам пришлось вести мно-

гочасовой оборонительный бой, и если нам удалось тогда продержаться, то только благодаря мужеству и боевой спайке разведчиков.

В самом начале боя опасность с окончательности мыса нам не грозила. Я оставил там разведчика Зиновия Рыжечкина с задачей наблюдать за морем и в случае появления наших кораблей наладить с ними связь и просить о помощи.

Но в разгар боя к мысу подошли не наши корабли, а немецкие, и высадившийся десант пытался атаковать нас со стороны моря.

На перешейке шел бой. Разведчики отбивали одну за другой атаки егерей и оказать помощь Зиновию не могли. С автоматом, трофейной винтовкой и большим запасом гранат Рыжечкин мужественно отражал все попытки врага нанести нам удар в спину. Он продержался около часа. Не сумев сломить сопротивление одного человека, враги открыли минометный огонь, выпустив более 50 мин. Разведчик был весь изранен, однако продолжал сражаться.

Мужественный воин держался до тех пор, пока его не сменил другой разведчик — Михаил Курносенко. Лишь тогда, истекая кровью, он стал отползать в укрытие. Страшно было смотреть на раны товарища. Превозмогая боль, он сказал нам:

— Здорово, гады, отделали меня, ну да и я в долгу не остался: побил их порядком, так что и умереть не страшно.

Зиновий Рыжечкин умер у нас на руках.

Отважный разведчик сдержал клятву, данную Родине.

К исходу дня наше положение стало очень тяжелым. Боезапас подходил к концу. Фашисты, понимая, что ночью мы попытаемся вырваться из окружения, предприняли еще одну яростную атаку. Против наших позиций они установили два пулемета и стали поливать настильным огнем маленькую площадку, которую мы занимали, лишая возможности поднять голову.

Дважды Герой Советского Союза
В.Н. Леонов

Наступил критический момент боя. И тут один из разведчиков, Николай Жданов, не выдержал и взорвал себя гранатой. Это были уже признаки паники.

Значит, нужно было немедленно действовать, чтобы вселить в остальных надежду в возможность вырваться.

Словом, нужна была контратака. Но как поднять людей в штыки, когда почти нет боезапаса, а пулеметы врага поливают непрерывным огнем? Мы нашли единственно верное решение. Пока один пулеметчик бил, а другой заряжал новую ленту, я подозвал к себе разведчика Семена Агафонова и сказал:

— Оба пулемета надо захватить. Не уничтожить, а захватить! Понял?

— Есть захватить! — как-то торжественно выпалил Агафонов, пытаясь тут же рвануться на фашистов.

Но я остановил его:

— Подождите. Я постараюсь заставить их замолчать хотя бы на несколько секунд, вот тогда и не зевайте!

В моем автомате осталось примерно полдиска патронов, и, выждав, когда вражеская очередь, пройдя над нами, чуть отклонилась в сторону, я вскочил и выпустил все пули по пулеметчикам. Семен ринулся вперед, я, хромя на раненую ногу, едва поспевал за ним. Когда Агафонов был уже у камня, один пулеметчик полоснул по нему, Агафонов взревел и прыгнул на камень, а потом свалился на пулеметчиков... «Погиб Семен», — с горечью подумал я, но, когда подбежал к камню с пулеметами, увидел, что мой друг катается по земле в объятиях трех здоровенных фашистов, четвертый был убит. Вдвоем мы быстренько «успокоили» их и захватили пулеметы. Используя их как таран, стали пробиваться через перешеек.

За нами потянулись и остальные разведчики. Но почти одновременно с началом наших действий два разведчика, Шерстобитов и Кардэ, вдруг неожиданно для всех открыли огонь по группе врагов, которая особой опасности для нас не представляла, а израсхо-

довав остатки своего боезапаса, поднялись и с пением «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг» пошли в атаку. В неравной схватке они погибли, а мы пробивались.

Стемнело, и мы считали себя уже в безопасности, как в небольшой долине, которую еще предстояло преодолеть, гитлеровцы вновь окружили нас. Освещая местность ракетами, они открыли

прицельный пулеметный огонь с высот, окружавших долину. И мы вновь были прижаты к земле.

И тогда разведчик Юрий Михеев попросил приготовить ему связку гранат — необходимо было уничтожить блиндаж, расположенный на склоне высоты. Мы отдали товарищу всю «карманную артиллерию» — последние три гранаты, связали их, и он пополз к блиндажу. Враги заметили разведчика и сосредоточили на нем сильный пулеметный огонь. Юрий был ранен, но продолжал ползти. До блиндажа оставалось не больше 20 метров, когда он уже не мог двигаться вперед. Тогда, собрав последние силы, Юрий поднялся под пулеметным огнем и бросил связку гранат. Блиндаж был взорван. Когда мы подбежали туда, отважный разведчик лежал, сраженный пулеметной очередью, которая настигла его в момент броска.

Так, благодаря его героическому поступку, остальные сумели вырваться из окружения и скрыться в скалах, а через сутки были сняты с побережья катером-охотником, которым командовал Борис Лях, впоследствии Герой Советского Союза.

Как видите, много смелых поступков в одном бою, но не все их можно признать подвигами. Поступки Михеева и Рыжечкина все разведчики признали как настоящие боевые подвиги, их образы потом всегда являлись для нас примером мужества и отваги, а вот по-своему смелый поступок Шерстобитова и Кардэ никто подвигом не назвал, потому что их действия не способствовали решению основной задачи. Если бы ценой своей жизни они решили исход боя в нашу пользу, пожалуй, к их смелости можно было отнестись по-иному. Но у нас стояла вполне определенная задача — любой ценой доставить в свой штаб захваченные у противника документы, чтобы потом наше командование сумело использовать их в дальнейших боевых операциях.

Вот ради этой задачи и шел неравный бой группы разведчиков на мысе Могильном в течение всего дня, а Шерстобитов и Кардэ не только не способствовали решению главной задачи, но два здоровых, не раненных человека, попусту отдав свои жизни, усложнили нам задачу прорыва из окружения.

Этот пример наглядно показывает подлинную суть подвига, но все это происходило в жестокой схватке с врагами, где было и самопожертвование.

**В. Лянде – командир
группы разведчиков**

**М. Костин – радист
разведгруппы**

**А. Игнатьев – радист
разведгруппы**

Но обязательна ли для подвига кровопролитная схватка с врагом?

В начале 1944 года в Северную Норвегию были заброшены три разведчика нашего отряда — Владимир Лянде, Анатолий Игнатов и Михаил Костин. Погода была ветреная, и приземлились они не совсем удачно. Командир группы Лянде сильно повредил ногу, идти сразу не смог. Пока ему оказывали первую помощь, появился вражеский самолет и сбросил осветительную бомбу. Место выброски разведчиков было обнаружено. Вскоре разведчики заметили, что на сопках стали появляться группы лыжников — район выброски окружали. Уйти в другой район, где побольше скал с трещинами и расселинами, где как-то можно было укрыться, разведчики не успели. Тогда они приняли очень рискованное, но, пожалуй, единственно правильное решение. Они нашли в этой холмистой местности совершенно ровную площадку и закопались там в снегу. За остаток ночи следы замело, а с рассветом разведчики увидели, что егеря ведут в этом районе тщательный поиск, осматривая каждый камень, каждый кустик, но на ровной площадке искать никто не догадался. Однако днем погода улучшилась, снег перестал идти, следы уже не заметало, и разведчикам пришлось лежать в своем убежище еще трое суток. Лишь когда вновь задула пурга и повалил снег, им удалось выбраться из укрытия и перебраться в другой

район. В их задачу входило наблюдать за действиями противника и особенно за переходами кораблей. Тем не менее положение разведчиков было очень тяжелым. Они не сумели вовремя подобрать грузовые парашюты, и все снаряжение утащило ветром в скалы. Но разведчик, прыгая с парашютом в тыл врага, берет с собой все необходимое на первый случай: обязательно оружие с минимальным количеством боезапаса, рацию с комплектом питания, снегоступы и продовольствие. Однако парашюты, которыми мы пользовались в годы войны, были рассчитаны на груз только в 80 килограммов, поэтому приходилось экономить, особенно на продовольствии. Мы брали лишь по пять плиток шоколада, по пачке печенья и по банке сгущенного молока. Вот с таким мизерным запасом и действовали эти разведчики длительное время. Потом у них кончилось продовольствие, но после нескольких дней голода им повезло, когда на двадцатые сутки одному из разведчиков удалось убить лису. Они долго питались мороженым мясом, делая из него строганину. Продолжая работать, они были все время в движении. Против них враги использовали поисковые группы с собаками, аэросани и самолеты, специальные службы пеленговали работу рации, и, как только разведчики отправляли радиограмму, тот район немедленно окружали, и разведчикам приходилось снова уходить за десятки километров. Положение было очень тяжелое, но героям удалось продержаться на полуострове Варангер целых девять месяцев! Девять месяцев — и никто ни разу не заходил в населенный пункт, никто ни разу не выпил хотя бы глоток горячей воды, но рация их работала постоянно, наводя наши ударные силы на объекты врага. Только по их наведению было потоплено в море больше пятидесяти транспортов и боевых кораблей, сбито в воздухе и уничтожено на аэродромах несколько десятков самолетов, разгромлено на дорогах и на базах много живой силы и техники врага. Лишь когда отпала необходимость пребывания этой группы в данном районе, по решению Военного совета Северного флота разведчики были сняты с побережья Северной Норвегии торпедными катерами и благополучно доставлены на свою базу, совершив настоящий боевой подвиг. И совершен он без единого выстрела!

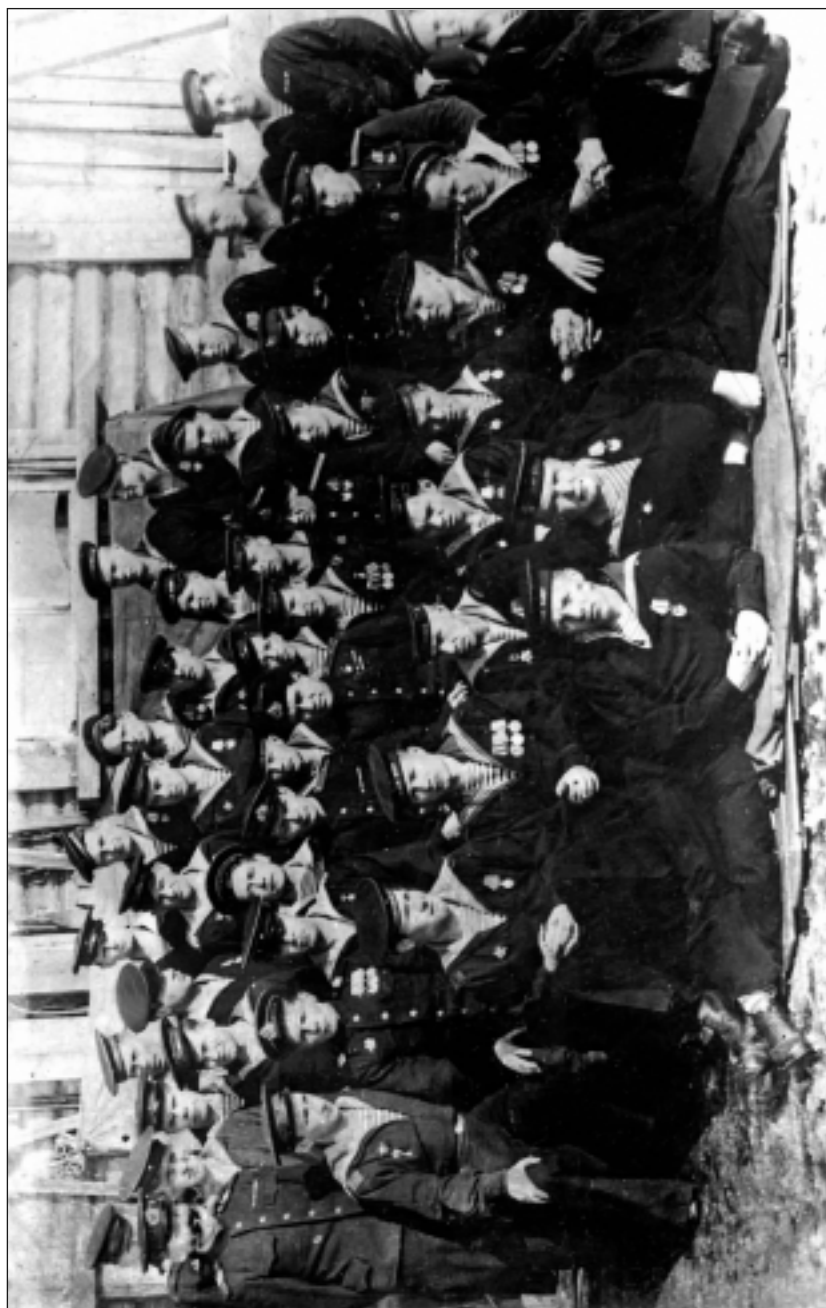
Это не просто удача. Это тщательно подготовленная дерзкая и умная вылазка. Конечно, и в разведке иногда приходится вопреки желанию вступить в бой, как правило, с превосходящими силами

противника, и тогда нужна особая четкость в действиях каждого разведчика. Но самой трудной задачей является захват «языка» тихо, бесшумно, не привлекая к себе внимания врага. Можно долго находиться в его тылу, маскируясь под противника или на местности. Это легче. Можно уничтожить важный объект, предварительно убрав охрану. Все-таки проще. Но взять человека живым, когда он имеет оружие и сам стремится уничтожить тебя, а ты обязан щадить его, чтобы это был «язык», а не труп, — куда труднее и опаснее. Но такие задачи были, как правило, делом обычным. Хотя и завершились каждая по-своему.

Однажды разведчикам из морской пехоты было приказано добыть «языка». Они удачно проникли в тыл врага и даже вскоре нашли объект. Однако потребовалось предварительно убрать охрану объекта. Это командир поручил небольшой группе. Все шло нормально. Охрану сняли, верно, не совсем аккуратно, только противник почему-то тревогу пока не поднимал. По строгим законам разведки те, кто убирает часовых, пропускают вперед группу захвата, а сами ее прикрывают. Однако эгоистичное желание отличиться, прославиться толкнуло самонадеянных людей на грубейшее нарушение. Та же самая группа решительно ворвалась в землянку, пытаясь самостоятельно захватить пленных. Разумеется, встретила сопротивление. В ход пошли гранаты. На объекте началась тревога. Пришлось спешно отходить, главная задача — взять «языка» — осталась не выполненной и уже не могла быть выполнена: кто-то из врагов с перепугу запрячется так, что его не найдешь, а кто-то будет оказывать сопротивление — живым такого не возьмешь. А сопротивление станет нарастать, как снежная лавина.

Так из-за безрассудства отдельных «смельчаков» длительно готовившийся поиск сорвался. Хуже того, разведчиков окружили, и командир был вынужден вызвать огонь своей артиллерии на себя. Чудом спаслись лишь несколько человек...

Вот вам и смелость! Как тут не вспомнить суворовские слова о том, что истинно храбр не тот, кто по произволу своему лезет в огонь, а тот, кто повинуется.

Отряд разведчиков перед отъездом на Дальний Восток

БЕРЕТ ЛИ СМЕЛОСТЬ ГОРОДА?

Подвиг и смелость неразделимы. Но как понимать смелость? Бывает так. Идет по улице молодой здоровый парень, грудь вперед, и все разойдись перед ним, он никого и ничего не боится, и находятся люди, которые думают: «Вот это орел, ничего не боится, такому в руки оружие, и он обязательно станет героем». А рядом ходит скромный, застенчивый паренек, и о нем никто не скажет, что он смелый.

Смелых людей, которые не боятся ничего на свете, нет и быть не может. Ничего не бояться может только человек ненормальный, до сознания которого не доходит, какой опасности он подвергается, а нормальный человек всегда будет бояться, и прежде всего бояться своей гибели. Другое дело, как он будет вести себя в критический момент. Страх (читай: инстинкт самосохранения) — это не порок, а защитная реакция организма на грозящую опасностью ситуацию, поэтому человек, лишенный чувства страха, может погибнуть в самой элементарной обстановке.

Мне много раз приходилось ходить в тыл врага. И каждый раз, когда я пересекал линию фронта или на катере подходил к вражескому берегу, чувство страха сжимало сердце, но я его побеждал.

Когда мы говорим о смелости человека и оцениваем ее с учетом его боевых успехов, я всегда вспоминаю один случай из жизни нашего отряда. Во время войны к нам на Северный флот приехала делегация из Новосибирска. Шефы побывали в разных частях, вручили морякам подарки. Появились они и в нашем отряде. Руководитель делегации, немного смущаясь, сказал:

— Вам, как наиболее смелым людям на флоте, мы и подарки подобрали соответственно...

Я перебил его:

— Если так, то вы ошиблись адресом. Вам бы к летчикам — там орлы! А у нас особо смелых нет, так, трудяги фронтовые, как все...

— Не скромничайте, ребята у вас не робкого десятка, — не сдавался руководитель шефов. — Вон сколько орденов у каждого!

— Что есть, то есть... Просто хорошо выполняем задачи — вот и награды.

Тут одна молоденькая девушка разочарованно протянула:

— А нам сказали, что здесь самые смелые ребята, которым сам черт не сват, — только взглянуть на них, и то во сне приснятся.

Я засмеялся и ответил шутливо:

— Это точно, приснятся. Красавцы на подбор. Но все-таки и им порой страшно. Это когда они не могут

устрашить врага. Правда, такое редко случается.

У меня были все основания сделать такое заключение. Когда Агафонов вступил в единоборство с двумя вражескими пулеметами и одолел их, его спрашивали недоуменно: как он решился броситься на кинжальный огонь в упор.

Наверное, разумнее было бы присесть у камня, а потом бросить в пулеметчиков гранату. Агафонов отвечал так:

— А я все рассчитал наперед. Как только поднялся этот фриц, вижу, руки у него дрожат. Ну, думаю, шалишь, такими руками в меня не попадешь! Вот и прыгнул.

Но самым близким друзьям признавался:

— Когда старшина сказал, что пулеметы нужно взять, у меня все сжалось внутри, как будто кто-то мохнатой лапой схватил за сердце и давит. Мысль мелькнула: на этом, Семен, твоя боевая карьера кончилась. Я понял самое главное — другого выхода нет, значит, так нужно. Значит, надежда только на меня. Вот тут и похолодело на душе: вдруг подведу... Как тогда на меня, мертвого, смотреть будут? И вдруг вижу, руки у фрица дрожат... Вот я и не упустил свой шанс.

Герой Советского Союза старшина 1 статьи С.М. Агафонов – командир отделения 181-го разведотряда

Герой Советского Союза старшина второй статьи Семен Агафонов — интересный человек. О нем рассказывали легенды, считали, пожалуй, самым смелым человеком на флоте. Он и не опровергал этого. Но однажды Семен обиделся на меня — это когда я рассказал шефам о его необыкновенной храбрости. Оказывается, что страх в бою переживал и он, Семен Агафонов, человек, способный, кажется, на все, на любой дерзкий поступок в бою с врагами.

Знал я и другого храбреца. До войны, служа на Северном флоте, мы встретились с Андреем Жирновым. Связывал нас спорт, особенно лыжи. Жирнов бегал на них лучше и всегда опекал меня. Он умел каким-то особым чутьем определять изменения погоды в течение дня и, соответственно, точно подбирать смазку. Рецептами своими делился со мной, и я был ему благодарен за это.

С началом войны был создан наш разведывательно-диверсионный отряд. Формировали его в основном из спортсменов флота. Добровольно пришел в отряд и Жирнов. До войны на флоте он считался отчаянно-смелым. Сильный, ловкий, всегда подтянутый, даже картинный, он ходил по городу с явной уверенностью в своем физическом превосходстве над товарищами, и многие его откровенно побаивались. Если он появлялся где-то и ему мешали там показать свою удаль, он обычно кричал: «А ну, разойдись, салажня, Жирнов идет!» Разумеется, ему все уступали. Служил он уже по пятому году. Сила, ловкость всегда впечатляют, находились моряки, которые стремились подражать Жирнову.

В отряде он сразу выделился лихой удалью и бесстрашием. Первый поход в тыл врага был вроде тренировочного — разведчикам нужно было получше понять, что же это такое — поход в тыл. Учились мы скрытному передвижению, маскировке, связи между группами и другим приемам действий в настоящей боевой обстановке. С гитлеровцами отряд не встретился, однако разведчики подобрали некоторое количество трофейного оружия. Жирнов, как наиболее сильный и выносливый из товарищей, навешал на себя три автомата, винтовку, с полдюжины гранат и был страшно доволен тем, что и здесь он обошел товарищей.

Через несколько дней в тыл ушла группа в составе двадцати разведчиков под командованием старшего лейтенанта Лебедева уже с боевым заданием: разгромить опорный пункт врага вблизи линии фронта и, удерживая его, оттянуть на себя часть сил противника. Для

меня это был первый поход, и я, естественно, старался быть рядом с Жирновым, присматривался к нему, учился.

Командир группы решил атаковать врага с трех направлений. Получилось так, что мы с Жирновым оказались в разных группах. Увидел я его бегущим с сопки. Он кричал нам охрипшим голосом, что все кончено и нужно поскорее отходить. Когда же мы разобрались, то оказалось, что далеко не все кончено. Задачу мы выполнили и отошли, хотя и с потерями, организованно. Тогда я не обратил внимания на убогий вид Жирнова — было не до него. Но перед следующим походом он вдруг заявил, что упал и сломал ключицу...

Предстоит новый поход — объявляется приступ аппендицита. И так повелось: мы уходим в тыл врага, а Жирнов остается на базе. Наконец командир отряда, несмотря на освобождение врачей, приказал ему собираться и идти в поход. И вот тут мы увидели, что Жирнов самый настоящий трус. Еще пули свистят высоко над головой, а он уже ползает в грязи — ищет, куда бы запрятать свою голову. И ни уговоры товарищей, ни приказание командира не могли заставить его подняться, тем более принять участие в бою. Жирнов был отдан под суд за трусость. Так закончилась боевая карьера «самого смелого» матроса Северного флота.

Здесь же, в бригаде подводных лодок, уже отслужив свой срок службы, работал слесарем-паропроводчиком в матросской столовой другой Андрей — Андрей Пшеничных. Работа у него была тяжелая, семья большая, зарплата маленькая, и ходил он всегда засаленный, замызганный, о нем никто не мог подумать, что он способен на какие-либо подвиги. Но было у Пшеничных одно хорошее качество — доброта. К нему в мастерскую всегда заходили спортсмены бригады лодок то лыжи просмолить, то крепление отремонтировать, и Андрей не только разрешал пользоваться инструментом, но и сам всегда готов был оказать помощь. Вероятно, это и явилось основной причиной зачисления его в наш отряд. Тогда отряд процентов на сорок состоял из подводников и командовал им флагманский физрук бригады лодок Николай Инзарцев.

В отряде очень скоро убедились, что Андрей Пшеничных страшно боится прыгать с парашютом. Однажды на своем аэродроме во время тренировок Андрей не мог прыгнуть, летчик уговорил его выбраться из кабины на крыло и убеждал, что страх пройдет, а когда Андрей действительно вылез из кабины и взглянул вниз, то с пере-

пугу просто завопил и попытался вновь забраться в кабину, но летчик заложил такой резкий вираж, что Пшеничных не удержался и полетел вниз. Когда Андрей приземлился и ему для закрепления «успеха» приказали повторить прыжок, он категорически отказался, заявив:

— Лучше отдайте меня под суд за трусость, но прыгать больше не буду, у меня голова кружится от одного вида самолета.

Но поскольку Андрей действовал в походах сносно, его оставили в отряде.

Примерно через год нужно было забросить десять разведчиков в Северную Норвегию. Я стал отбирать людей — тогда я был уже командиром отряда. Неожиданно ко мне в кабинет зашел Андрей и стал требовать, чтобы я включил его в эту группу. Я, помня его тренировочный прыжок, отказал. Но он сутки не давал мне покоя, просил, умолял, доказывал... и я согласился. Я записал Андрея запасным, на всякий случай. Он прыгнул, но, прыгая, нарушил порядок прыжков. Как запасной, Андрей должен был прыгать последним, а он, как только прозвучала команда «приготовиться» и открылась бортовая дверь, первым оторвался от самолета.

Когда на земле мы встретились с Андреем и я стал ругать его за это нарушение, он ответил:

— Я боялся, потому и нарушил порядок.

— То, что ты дрожал, это ясно, — ответил я, — но это не дает тебе права нарушать дисциплину.

— Да нет, — возразил Андрей, — я боялся не прыжка, а того, что запасной: пустят десять человек и скажут — довольно, ну а если уж прыгнул, то не поймаешь.

Тогда я не поверил его словам. Если он боялся прыгать днем на ровное аэродромное поле, то прыгать ночью, когда ничего не видно, на территорию оккупированной врагом Северной Норвегии, где сплошные скалы, камни, озера, где кругом рыщут егеря, — это куда страшнее. Однако он прыгнул. Значит, истинная смелость заключается в том, чтобы найти в себе силу преодолеть чувство страха и заставить себя делать то, что необходимо сделать для решения поставленной задачи. Такая сила была у Андрея Пшеничных, поэтому он и прыгнул, поэтому ему за неоднократные походы в тыл врага и отличные боевые действия в 1944 году было присвоено звание Героя Советского Союза, кроме того, он награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны и другими наградами.

А у Жирнова такой силы не было, и его боевая карьера закончилась очень печально... И конечно, не врожденная смелость дает возможность человеку совершать подвиги, а воля, умение управлять собой, своими действиями.

Фронтовой корреспондент газеты «Правда» Герой Советского Союза С. Борзенко рассказывал, что во время Керченско-Феодосийской операции одному подразделению моряков была поставлена задача высадиться с первым броском десанта и разгромить батарею врага. Подразделение высадилось и начало решительно действовать. Враг растерялся. Моряки добрались до батареи. Но впереди были минное поле и проволочное заграждение, прорвать которое они сразу не смогли. Понимая, что каждая минута промедления уменьшает шансы на успех операции, командир встал во весь рост, поднимая людей в атаку. И тут же погиб. Был сражен пулей и парт-орг. Вдруг вскочила девушка, санитарка подразделения Галя Петрова, и бросилась на минное поле.

— Братишки, — крикнула она, пританцовывая, — здесь и мин-то нет!

Единым порывом было смято проволочное заграждение и пройдено минное поле. Задачу моряки выполнили.

Сергей Борзенко решил найти отважную санитарку и пошел искать ее. Вдруг из-за укрытия донесся плач. Заглянув туда, он увидел рыдающую девушку.

— Галя, вы что, ранены? — спросил Борзенко.

— Нет, — ответила она, — я так перепугалась, что никак не могу унять слезы.

— Так как же вы могли, перепугавшись, выбежать на минное поле? А теперь, совершив подвиг, плачете, как девчонка?

— А что было делать? Ведь я комсомолка и знала, что Моряков надо поднять в атаку, а командир и парторг погибли. Я верила, что мужское самолюбие не позволит остаться морякам на месте, когда девушка одна может погибнуть у них на глазах.

Гале было присвоено звание Героя Советского Союза.

Эта девушка сумела выдержать громадную психологическую, моральную и физическую нагрузку. Нервы у нее сдали, лишь когда миновала опасность. Но я видел мужчин, которые совершали подобные поступки и потом улыбались. Однако в момент свершения подвига они переживали то же, что и Галя.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СУТЬ ВОЛИ

Меня кое-кто считает незаурядным человеком, поскольку я из рядовых разведчиков вырос в командира отряда, дважды удостоен звания Героя Советского Союза, а отряд, которым я командовал, стал гвардейским. На это я отвечаю: талантов особых у меня нет, как нет и какой-то исключительной смелости. Мне просто повезло. Но повезло не в том смысле, что мне легко обошлась война. Враги не раз калечили меня, пока я сам не научился их бить. Повезло в другом. Я прошел хорошую школу воспитания, где закалил свою волю, и в войну вступил уже подготовленным человеком. А волю я свою закалял в коллективе московского завода «Калибр», в экипаже подводной лодки Щ-402, где я плавал до войны мотористом. Наконец, хорош был коллектив нашего разведотряда.

Заслуги всех этих коллективов и кровь моих товарищей по оружию есть в тех звездах, которые я ношу на своей груди.

Воля является основным качеством, дающим возможность человеку четко выполнять стоящие перед ним задачи, совершать подвиги. В учебниках психологии обычно о воле пишут так: «Воля — это способность человека управлять собой, своими поступками, мыслями, переживаниями для достижения сознательно поставленной задачи, даже перед лицом смертельной опасности, во имя каких-либо побуждающих мотивов».

Эти «побуждающие мотивы» всегда приводят меня в замешательство, и я не могу согласиться с таким окончанием формулировки.

Побуждающие мотивы обычно разделяют на две категории: на отношение к себе и отношение к окружающим. Из отношения к себе выделяется желание отличиться перед товарищами, желание заслужить похвалу командира, начальника.

Но когда человек хочет отличиться перед товарищами, заслужить похвалу начальника, он как раз действует в одиночку. Он не поможет товарищу в затруднительной ситуации, не поделится с ним своими достижениями, а увидев его ошибки, не подскажет, как избежать их, а если и сделает это, то только на глазах у начальника. Такой человек радуется, если товарищи ошибаются, тогда ему легче отличиться, легче показать себя.

В самом начале войны часть нашего отряда действовала в тылу врага мелкими группами, собирая сведения о дислокации войск и авиации, расположении артиллерии и т.п. Проникали эти группы на территорию противника через сухопутную линию фронта в районе Зимней Мотки. Группы действовали успешно, и кое-кто из разведчиков был отмечен наградами.

Одной из таких групп командовал молодой моряк Федор Н. Все походы этой группы проходили успешно, и вскоре Н. был награжден орденом. Его очень хвалили, ставили в пример другим, молодой разведчик имел солидный авторитет, особенно у начальства.

Однажды другая группа разведчиков ушла в тыл врага. Добравшись до Зимней Мотки, группа, как это и было запланировано, остановилась на суточный привал для уточнения обстановки на линии фронта. Там разведчики встретились с группой Федора Н., которая возвращалась из тыла врага. Группу сопровождал до линии фронта заместитель начальника разведки флота. Н. доложил ему о своих боевых успехах, и во время товарищеского ужина, поднимая тост за успехи группы, заместитель начальника капитан-лейтенант Изайчик заявил:

— Я ставлю в пример всем действия группы Федора Н. Они в каждом походе наносят ощутимые удары врагу: взрывают мосты, склады и другие объекты. Кроме того, они приносят точные сведения о расположении объектов врага, и по их данным наши отважные летчики уничтожают эти объекты. Нужно учиться всем так работать.

В группе Н. в основном были норвежские патриоты — молодые парни, которые покинули свою страну в период ее оккупации гитлеровскими войсками. Они плохо знали русский язык и никак не могли понять, за что их так хвалят, жмут руки, обнимают. А когда поняли, то просто возмутились. Один из них заявил:

— Когда мы попадаем в тыл врага, то выбираем обычно лес гуще и устраиваем там лагерь. Командир иногда в сопровождении одного человека куда-то уходит, а больше сидит и раскрашивает карту. Дней через пять-десять заявляет, что все сделано, можно возвращаться, и мы возвращаемся. Никаких диверсий мы не совершали.

Федора Н. здесь же судили за предательство. По данным этой группы действительно летали наши летчики и бросали бомбы в

голые сопки. Ну а если бы началось наступление, то, используя эти липовые данные, мы поставили бы свои войска в очень тяжелое положение. Это настоящая измена Родине, а причиной измены послужило желание отличиться перед товарищами, желание заслужить похвалу командира без особого риска для себя.

Другой мотив — отношение к окружающим. Здесь выделяется любовь к своим близким, семье, своим детям. Мотив тоже порочный.

Бывает так. Живет человек, имеющий большой запас знаний, опыта, человек, который мог бы принести громадную пользу Родине, окажись он там, где смог бы эти знания применить с пользой для всех. А человек этот сидит не на своем месте и занимается не своим делом. Потому что его близкие родственники уезжать с насиженного места желания не имеют. Сам же он, связанный любовью к родным, не может решиться на волевой поступок.

Вот все, что можно сказать о побуждающих мотивах.

Воля — это такое качество, которое не очень просто воспитать. Правда, иногда слышишь, что волю можно натренировать. Боишься, например, щекотки — заставляй щекотать себя, будешь волевым; ленишься умываться — обливайся холодной водой, будешь волевым. Нет, так волю натренировать нельзя. Воля растет у человека иногда помимо его прямого желания стать волевым, но вместе с ростом ряда других качеств, от которых она прямо зависит. И эти другие качества можно измерить, определить у человека, а волю, как и смелость, определить трудно.

В нашем отряде жила неписаная традиция — «не выполнил задания — не возвращайся». Она прижилась не сразу. Только тогда, когда мы сумели воспитать у разведчиков высокие моральные и боевые качества, эта замечательная традиция волевых людей прочно вошла в наш боевой опыт.

Когда приходил в отряд новый человек, его с первых дней учили всем нашим премудростям, начиная с рассказов о славных, уже сложившихся традициях. Вся обстановка заставляла молодого разведчика отобрать для себя из нашего опыта все самое лучшее, самое надежное, обязывала его точно соблюдать все наши традиции, весь отработанный порядок действий.

Помню, как пришел к нам молодой краснофлотец Александр Каштанов. Мы критически отнеслись к нему, не понимая, зачем понадобилось брать его в отряд. Маленький ростом, далеко не бога-

тырского сложения и вообще какой-то застенчивый... Но поражали глаза его. Они просто кричали: возьмите, я не подведу! Казалось, откажи ему — и он тут же расплачется, как ребенок. Но раз взяли — значит взяли... Он начал готовиться к походам, изучать и отрабатывать все, что необходимо знать и уметь разведчику в глубоком вражеском тылу.

Как и в каждой части, у моряков существовало неписаное правило: чтобы человек стал полноправным членом боевой семьи, он должен помимо той подготовки, что предусмотрена планом, выдерживать еще и испытания, придуманные товарищами. На склоне одной сопки положили бочку, на нее — пару дощечек. Получилось что-то вроде трамплина. Сказали Каштанову: пока не научишься прыгать через эту бочку, в поход не пойдешь. Так уж заведено в отряде. Мастера таких трюков тут же продемонстрировали, как это делается. Каштанов ежедневно кувырчался на этой бочке, упорно карабкался к цели и добился своего! А вскоре стал одним из лучших мастеров скоростного спуска на лыжах с гор.

В отряде категорически запрещалось в обмундировании и снаряжении использовать разные шнурочки — все должно было застегиваться на крючки, кнопки, пряжки: если человек попадет в воду, он сможет мгновенно освободиться от лишнего груза. «Пока свое обмундирование и снаряжение не приведешь в порядок, в поход не пойдешь», — сказали ему. Каштанов столько нашил на себя разных крючков и застежек, что получил прозвище Король Пряжек, — постарался наш острослов старшина второй статьи Павел Барышев. Этот шутник однажды всерьез напугал Каштанова, мол, ты столько нашил на себя металла, что если попадешь в воду, то сразу пойдешь ко дну. И что же! Алексей зимой в полном снаряжении бросился в залив, чтобы испытать, в самом ли деле ему грозит такая опасность.

Все эти шутки могут кому-то показаться совершенно излишними. Но разведчики вот так своеобразно желали прежде всего добра товарищу по оружию, исходя из личного опыта, который не предусматривался никакими инструкциями; создавая замысловатые ситуации, они заставляли новичка думать, искать разумные пути самостоятельного преодоления трудностей и опасностей. В стремлении во что бы то ни стало преодолеть пусть шуточные, но жизненные препятствия человек быстрее вырабатывал в себе и волевые качества, и мастерство, необходимые для боя.

Помню, как однажды мы разгромили автоколонну врага. Захватили много пленных. Однако положение у нас самих оставалось критическим, и мы сомневались, сумеем ли вернуться на свои катера... Стремясь доставить в штаб пленных и документы до окончания боя, я приказал Каштанову переправить на катер двух дюжих егерей и два чемодана с документами врага. Он не мешкая направился к месту высадки, где находились наши надувные лодки.

Бой закончился, весь отряд без потерь переправился на катера, а Каштанова с пленными и документами мы здесь не обнаружили... Такого ЧП никто не ожидал: то, ради чего мы рисковали жизнью, пропало. Но задерживаться у побережья противника мы не могли, следовало уходить. Нетрудно понять общее настроение. Вдруг сигнальщик доложил, что видит в море какой-то плавающий предмет. Катера устремились к нему. А вскоре на борт приняли Алексея Каштанова с пленными и документами.

Все объяснилось просто. Отойти от берега при крупной волне очень сложно, нужно иметь недюжинную силу и мастерство. Каштанов не церемонился — посадил одного егеря на весла, второму приказал оттолкнуть лодку от берега и прыгнуть в нее самому. Силы у егеря на веслах было много, а мастерства нет, и лодку волной выбросило на берег. Так повторялось несколько раз. Наконец Каштанов закинул свой автомат за спину, гаркнул егерям, чтобы работали четче, сам сел на весла, а одному егерю приказал толкнуть лодку. Они отошли от берега, но отлив и волна утащили маленькую лодочку далеко от берега в море, и Алексей не смог найти катера.

Кое-кто убеждал, что в этом эпизоде Каштанов допустил грубую ошибку. Егерям, которые сидели один на носу, второй на корме лодочки, когда он трудился на веслах, ничего не стоило прибить его, сбросить в море и стать хозяевами положения. Но они не сделали этого. Как они сами заявили на допросе, советский воин волей своей обезоружил их, заставил безропотно подчиняться даже взгляду своему. Значит, ошибки не было.

Когда после победы над фашистской Германией мы переехали на Тихоокеанский флот, там в разведывательно-диверсионном отряде было много совсем молодых ребят — более опытные тихоокеанцы ушли освобождать Родину от гитлеровских оккупантов еще в начале войны. Молодежь, естественно, очень смутно представляла себе характер и объем предстоящей боевой работы. Нужно было

привить ей наши боевые традиции, научить нашей сноровке, воспитать нашу волю. Но одно дело, когда в крепко спаянную часть приходят один-два новичка, а другое — когда молодых и неопытных в части в несколько раз больше, чем самих «учителей». Неудивительно, что на нас смотрели с раскрытыми ртами. Еще бы! Вот только один старшина первой статьи Семен Агафонов — Герой Советского Союза, два ордена Красного Знамени, рядом с орденом Ленина и Золотой Звездой два ордена Отечественной войны 1-й и 2-й степени. Они, эти юные ребята, о таких наградах и не мечтали. Агафонов, впрочем, как и все остальные мои друзья, повел себя с молодежью в высшей степени корректно. Он стал для молодых товарищем, другом, воспитателем. Он не кичился заслугами, а щедро передавал тем, с кем ему предстояло вскоре идти в бой, все, чем был сам богат, что накопил и выработал в жесточайших схватках с врагом.

Прежде всего нам понадобилось поднять физическую выносливость всех разведчиков, и мы это делали как только могли. Бывало, группа получает задание: в одном пункте имитировать разгром штаба, в другом, километров за пятнадцать от него, — подрыв моста, а после полудня, когда силы, кажется, на исходе, — атаковать высоту. Не все молодые разведчики выдерживали такую огромную нагрузку. Очень часто бывалый человек, вроде Агафопова, по ходу напряженной тренировки подойдет к сникшему товарищу и шутя скажет:

— Ну что, друг, уморился? Э-э... Да тебя измотал плохо прилаженный рюкзачок-то. Дай-ка посмотрю, в чем дело.

Больше не разговаривая, Семен кинет рюкзачок на свои плечи и зашагает вперед — молодому товарищу облегчение, они выполнят задачу вместе. А вот перед самой атакой сопки Агафонов вдруг замечает, что один из разведчиков хромает.

— Ну что, ребятки, передохнем малость? — простодушно предлагает он.

— Надо бы, товарищ старшина, — немедленно соглашаются разведчики хором.

— Ну что ж, посидим малость, сынки. Только поймите, привал этот не зря мною устроен. Поглядите, вон человек хромать стал. А почему? Портянки навернул плохо. Ну-ка разуйся, друг...

Действительно, портянки у парня сбились комьями, ноги ему натирают. А Семен продолжает:

— А знаете, друзья, накрутить портянки — это искусство! К нам специально приходили соседи поучиться, и немудрено — бывало, пять-десять суток мы в походе, а ноги у всех как огурчики с грядки. Давайте проверим, как у всех у вас обстоят дела.

Пока ноги проверяли, время ушло, и вдруг Агафонов говорит:

— Ребятки, провозились мы тут, а на выполнение задачи нам остался всего час... До сопки, которую нужно атаковать, по карте пять километров, а по холмам и болотам, вероятно, больше. Если мы опоздаем хоть на секунду, никому из нас несдобровать. Такая у нас традиция.

— Товарищ старшина, — взмолился краснофлотец, который хромал по дороге, — разрешите босиком?..

— Нет, сынок, мы воюем обутые, не к лицу нам перед врагом голыми пятками сверкать. Да и портянки теперь не собьются. Кстати, пора тебе, дорогой, взять на свои плечи рюкзачок-то, а то я тоже не железный.

Группа прибывает к заключительному этапу тренировки секунда в секунду. Такова незыблемая традиция. Все утомлены до предела. Но поняли они, что это не чья-то прихоть. Таково веление боя. И традиции наши продиктованы только острой надобностью. Без них врага не победить. А побеждать надо! Возможно, кое-кому наши методы покажутся жесткими, но мы-то знали, что только так можно подтянуть молодых ребят до нашего уровня, уберечь их от гибели, научить бить врага наверняка, чтобы непременно выполнить любое задание командования. В огне выковывалась надежность.

И по-другому никак нельзя. Зато и делали буквально невозможное. Вот на новом месте выделили нам жилье. Скорее, то, что из него можно и нужно сделать. Надежда лишь на себя. Приводит Семен Агафонов людей в это подобие сарая и говорит:

— Ребята, заднюю стену нужно сложить и оштукатурить до обеда, чтобы не опоздать на тренировки — нам еще побегать придется.

— Товарищ старшина, это же задание на весь день! — пугается кто-то из ребят.

— Да, верно, на день. И мы не строители, а разведчики, и нам положено каждый день не меньше тридцати километров пробежать. Когда же бегать? Строители мы по совместительству. Сделаем

так: разделим стену пополам, вас трое, я — один. Посмотрим, кто быстрее и лучше сделает свое дело.

Сначала Агафонов выигрывал эти соревнования. А потом ребята стали все чаще помогать ему заканчивать работу в срок. Так росло мастерство на фоне традиции — где бы ни был ты, какую бы работу ни выполнял: в бою, ученье, труде — всегда будь достоин звания разведчика!

Там, на Дальнем Востоке, наш отряд стал именоваться первым гвардейским разведывательно-диверсионным отрядом. По этому поводу член Военного совета Северного флота прислал радиogramму, в которой говорилось: «Поздравляю вас, боевые друзья, с присвоением гвардейского звания, рад, что боевой опыт, приобретенный в Заполярье, умело использован вами в боях с японскими империалистами». Когда секретарь партбюро сержант Козлов прочитал эту радиogramму, кто-то разочарованно протянул:

— Это же не нас касается — поздравляют североморцев.

— Нет, — ответил Иван Иванович Гузненков, — это касается нас всех. Вы крепко освоили наш опыт, впитали наши боевые традиции и, безусловно, достойны этого поздравления.

ВО ИМЯ РОДИНЫ

Основным качеством, которое дает возможность человеку совершать подвиги и которое лежит в основе воспитания воли, является любовь к Родине и готовность в любую минуту пожертвовать своей жизнью за счастье человека.

Подбирая людей в отряд разведчиков, мы иногда допускали ошибки. Придет так иногда человек, будто все у него хорошо, все нужные качества есть, а сходит один-два раза в поход, и вдруг какие-то болезни появляются. То ноги откажут, то спина заболит, а выго-нишь из отряда — болезни проходят. Мы стали задумываться: отчего это? Оказывается, причина простая. Человек шел в отряд не служить Родине, не на трудный участок борьбы с фашизмом, а за славой, за орденами. Увидит он, как у себя на базе ходят разведчики — вся грудь в орденах, и думает, пойду-ка и я в отряд, и у меня все это будет. Вот и просится. А когда поймет, что орден получить очень трудно, что прежде всего нужно доказать, что ты способен выполнить любое задание в тылу врага, а к Герою представят только тогда, когда на груди не меньше четырех боевых орденов, желание воевать у него пропадает. Он думает, что лучше без орденов, но живой вернусь домой. Такой человек забыл о Родине, о народе, который ведет героическую борьбу с фашизмом, о детях, умирающих в осажденных городах и на оккупированной территории, о воинском долге, о воинской присяге. Разве может такой человек проявить максимум усилий, чтобы воспитать в себе настоящую волю? Да и нужна ли такому воля?

Однако чаще бывает обратное.

К нам в отряд прибыл молодой матрос Макар Вабигов. Был он низкого роста, худощав и будто совсем слаб физически. По внешним признакам он в отряд никак не подходил, но мы его взяли. Взяли потому, что нам очень нужен был писарь, а Вабигов умел печатать на машинке, четко и грамотно писал, имел прекрасную память — с обязанностями своими справлялся хорошо. Однако он не захотел отсидеться на базе.

Он пришел к командиру.

— Мне воевать нужно. Знаю, вы скажете, слабоват я, — быстро проговорил он, видя, что командир пытается возразить. — Это я уже

слышал и от вас, и от других разведчиков. Только вот и Николай Островский не очень силен был, а сделал много, да и ваши разведчики не все богатыри, а воюют здорово, и я буду не хуже других. С сегодняшнего дня начинаю готовиться к походам, изучать все, что нужно знать разведчику, спортом займусь как следует. Вот тут я книжечку сделал, все вписал сюда — и оружие, и подрывное дело, и фотодело, и спорт. Прошу принимать зачеты и отметки ставить, что сдал и как сдал.

— Ну а как же писарские обязанности, Макар? Ведь ты все же у нас писарь, — сказал командир.

— Что ж, и писарские обязанности выполнять буду, справлюсь.

И Макар начал готовиться к сдаче зачетов. Вызвал меня командир и говорит:

— Будешь у Макара зачеты принимать по всей программе разведчика. Смотри, поблажек никаких. По каждому зачету у него книжка есть зачетная, сам себе сделал. Ставь оценки и расписывайся. Я с тебя спрошу.

Мне очень хотелось отказаться от этого поручения, но я промолчал и ушел. А потом началось. Подтянулся Макар на турнике три раза — ставь зачет ему. Двухпудовик поднял — опять зачет. На лыжах с горки скатился — снова зачет. Пистолет трофейный изучил — тут уж зачет обязательно. И так мне эти зачеты надоели, что я стал прятаться от Макара.

Однажды Макар пистолет канадский где-то раскопал и требует, чтобы я у него зачет принял, а я и сам-то систему эту первый раз вижу. И такое зло на Макара взяло, что не сдержался и сказал:

— Ты, Макар, уже профессором стал в разведке, лучше меня все знаешь. Пока я воюю, ты зубрежкой занимаешься, я приду, ты зачеты сдаешь. Ты этими зачетами просто прикрываешься, чтобы в походы не ходить. Тебе давно воевать пора.

Макар ушел, а минут через пятнадцать вызывает меня командир:

— Ты что глупостями занимаешься, зачем человека в заблуждение вводишь? Он требует, чтобы его в поход взяли, говорит, все знаю, мне Леонов об этом сказал.

Я выждал, пока командир высказался, а потом спокойно ответил:

— Если вы прикажете, я возьму его в поход. Только вам советую заранее подобрать себе нового писаря.

— Это почему же?

— А потому, что обратно он не вернется, и останетесь вы без писаря.

— Это ты брось. Задача в том, чтобы дать почувствовать матросу, что такое настоящий боевой поход, но прийти он должен обязательно живым. Макар — фигура ценная для отряда.

Мне стало обидно за остальных разведчиков, и с некоторым оттенком иронии я сказал:

— Это верно, виноват, забыл, писарь — действительно фигура в разведывательном отряде ценная. Постараемся, будьте уверены, костями ляжем, а писарчука вам сохраним.

Через несколько суток мы уходили в поход. Маршрут предстоял несложный. Пройти линию фронта, затем километров семьдесят по тылам врага, взорвать объект и вернуться обратно. Вот и вся задача, но... Каждый разведчик брал с собой килограмм по сорок груза. Это тяжело и для закаленного человека, ну а Макару совсем не под силу.

Но он шел, бодрился и даже улыбался. Товарищи подшучивали над ним, а потом, видя, что Макар спотыкается, встревожились. Решили помочь. Семен Агафонов заявил ему прямо:

— Я говорил тебе, Макар, что жидковат ты в коленках, а ты — нет, все в поход лезешь, вот теперь видишь, что получается. Давай твой груз мы понесем, а ты иди налегке.

Но Макар упрямо ответил:

— Я знал, куда иду, знал, какие трудности меня ожидают, и уж позвольте мне все делать самому.

И он шел, шел, спотыкаясь, иногда падая. Тогда, на первом же привале, когда Макар крепко заснул, из его рюкзака вытащили все тяжелое, а взамен положили печенье, галеты, запасные носки и портянки. Объем рюкзака остался прежним, а вес раза в три уменьшился.

Мы вернулись из похода через девятнадцать суток. Двое суток лежал Макар пластом на своей кровати. Я доложил командиру, что задача «обработки» Бабикова выполнена, и получил от него благодарность. А через двое суток Макар встал — и прямо ко мне.

— Я, — говорит, — плохо себя в походе чувствовал, кажется, хуже других.

— Тебе все кажется, — отвечаю, — а вот мне нет. Я твердо знаю, что не дошел бы ты, если бы тебе товарищи не помогли.

— А это потому, — возражает Макар, — что мало я еще тренируюсь, мало работаю.

— Верно, Макар, хоть раз в жизни честно сознался, что мало работаешь, вот садись за письменный стол и работай побольше, поверь, дело у тебя пойдет.

— Нет, я буду чаще ходить в походы, — решительно заявил он.

Не помню, чем закончился мой разговор с Макаром, только пленил меня матрос своей целеустремленностью, желанием стать настоящим разведчиком. И мы стали тренировать его по полной программе. В походы я брал его с собой постоянно, при себе держал, наблюдал, подсказывал, а на отдыхе ни минуты покоя не давал.

День у нас с физзарядки начинался, но зарядка особая, тяжелая. Встают разведчики — и десять минут разминка. Тут и бокс, и джигитсу. И Макар встает. А я кому-нибудь из опытных разведчиков уже задание даю наломать ему бока так, чтобы неделю болели. Для этого не десяти минут, а двух вполне хватало. Отдышится Макар, встанет и идет на лыжах вместе со всеми. Разведчики километров тридцать, а то и пятьдесят по сопкам пройдут, вернутся, вместо воды снегом по пояс разотрутса — и на завтрак. А Макар, смотришь, только к обеду подойдет. Но тоже снежком потретса — и в столовую. И не было такого случая, чтобы он не прошел всей дистанции, которую прошел весь отряд в этот день, как бы сложна она ни была. Если Макара кто-либо поколотит на ринге или намнет бока на ковре, он от этого разведчика не отстанет до тех пор, пока не научится по-настоящему сопротивляться ему.

Это образ одного из наших разведчиков, который не родился богатырем. Этот простой сельский учитель из селения Усть-Цыльма Коми АССР, вероятно, и не мечтал о подобных подвигах.

М.А. Бабилов, 1945 г.

Но он любил Родину, любил детей, которых учил, и вложил много труда, чтобы стать настоящим разведчиком, и в хорошем коллективе, с помощью хороших товарищей добился прекрасных результатов. Такими были у нас все, простые советские люди, настоящие патриоты. Они отлично понимали, что разведка — это не романтика, это не просто блеск орденов, это труд тяжелый и опасный, но нужный Родине, и они сознательно шли на этот опасный участок борьбы, чтобы отдать свои силы общему делу борьбы с фашизмом. Только из таких патриотов и могут вырастать подлинные герои.

Но, видно, не всегда жажда подвига одного человека бывает полезна обществу, всем, кто его окружает. Жажда жажде рознь.

Еще до прихода Бабикова у нас в отряде появился статный широкоплечий старшина первой статьи Иван Поляков. Когда я после ранения в конце 1941 года вернулся в свою родную часть, Иван уже имел орден Красной Звезды. Он тоже мечтал о подвиге. Но не так, как Бабилов, который молча, затаенно, но упорно шагал, а чаще карабкался, полз по-пластунски по трудной тропе подвига к его сияющей вершине. Нет, Иван шумно, самоуверенно заявлял знакомым, особенно девушкам, что он первый кандидат в герои. Как-то я заметил Полякову:

— Много ты болтаешь, Иван, мечтаешь стать героем, а вот в походы не рвешься, все больше стараешься отсидеться на базе. Почему?

— Я знаю, когда и в какой поход мне нужно пойти. Будь спокоен, свой шанс я не упущу! — с самонадеянной расчетливостью ответил Поляков и нехорошо усмехнулся.

Как-то одна из наших групп была обнаружена в тылу врага. Преследователи прижали ее к морю. Разведчики отбивались как могли. Нужно было срочно снимать группу с побережья, снимать днем под огнем врага. Для этого командующий флотом выделил два катера-охотника «МО» и две группы разведчиков, в одной из которых находился Иван Поляков. Командующий авиацией доложил комфлотом, что погода нелетная, и мы ушли без прикрытия. Однако, когда катера подходили к побережью, из-за сопки выскочили два «мессера» и атаковали нас. Один катер потерял ход, второй взял его на буксир, и мы вернулись, не выполнив задания. Вернулись, недосчитавшись нескольких боевых товарищей...

Командующий флотом адмирал А.Г. Головкин тут же приказал

поднять в воздух истребители. И снова два катера вышли в море с теми же разведчиками. Но Полякова вдруг одолел «приступ аппендицита», и он остался на базе. Задачу на сей раз мы выполнили. Встречаю оставшегося розовощекого Полякова. Спрашиваю: как, мол, оклемался? Жаль, что болячка тебя не вовремя придавила.

— Ничего, героем все равно стану. Это просто несчастный случай. Да и задача плевая, на такой не отличишься, только раздразишь себя.

Но пришло время, когда довелось выполнять задачу куда сложнее и опаснее. Батальон морской пехоты получил задачу разгромить опорный пункт врага на мысе Могильном. Отряд должен был прикрывать действия батальона, а группа, которой командовал я и в которую входил Поляков, — скрытно провести батальон и первой ворваться в опорный пункт. В конечном счете батальон не дошел до цели и возвратился на катера, а с ним и большая часть отряда. Тогда пятнадцать разведчиков ворвались на позицию врага...

При высадке с катера у Ивана, как на грех, подвернулась нога. Он морщился от боли, стонал, кричал, скрипел зубами, но передвигаться не мог, и его — вот уж невезение... — вернули на катер. Катера оставили нас и отошли. Группа вела бой в течение суток. Из пятнадцати только восемь израненных, искалеченных разведчиков сумели вернуться на базу, но с захваченными у врага документами! Вернулись мы и видим: Иван Поляков преспокойно играет в волейбол. За эту операцию все разведчики — участники похода получили высокие награды, а с Поляковым, как тому и следовало быть, отряду пришлось расстаться. Навсегда. Без тени сожаления.

Издавна у нашей молодежи ведется — каждый молодой человек «строит жизнь», то есть берет пример с кого-то из известных, уважаемых в стране людей, старается быть похожим на своего кумира. Был и у меня такой. В юности писал стихи, стараясь превзойти самого Есенина. Не получилось. А когда началась война, Родина позвала в бой с лютыми врагами — стало не до стихов.

Мне повезло. В первом походе и в первом своем бою, за который я получил медаль «За отвагу», командиром группы у нас был старший лейтенант Георгий Лебедев. Я увидел его, когда он спускался с сопки, на которой мы разгромили опорный пункт противника. Кругом свистели пули, рвались мины. Я шел, не сгибаясь,

чувствуя, что если лягу, то уже не встану — судорога сковала ноги... Лебедев, увидев меня, закричал:

— Ложись, друг, убьют! Ползи! Приказываю — ползи!

Я не мог ползти, по-прежнему шел и благополучно миновал лощину.

Лебедев внимательно посмотрел на меня и вдруг приказал:

— Там остался Николай Рябов. Он, вероятно, ранен.

Его нужно вытащить. Пойдете вы с Домановым.

Мы вновь пошли через ту самую лощину, и опять я боялся лечь на землю. Старшего краснофлотца Рябова мы нашли за камнем, он был мертв. Дикий страх сдавил меня, когда я уже был на своем катере. Я лежал на палубе, и мурашки бегали по спине. Подошел Лебедев, присел рядом и спросил:

— Как самочувствие, друг?

Я не знал, что ответить, и спросил его:

— Скажите, товарищ старший лейтенант, почему фашисты побежали от меня, ведь их было много?

— Чудак, — улыбнувшись, сказал Лебедев, — ты пойдй посмотри на себя в зеркало и поймешь, почему они побежали. На себя не похож. А на всякий случай запомни: кто-то должен бежать — либо ты, либо враг, иначе не бывает. Подумай над этим!

— Подумаю, товарищ старший лейтенант.

— Извини меня, Леонов, — продолжал Лебедев, — что послал я вас с Домановым искать Рябова. Очень тяжелый момент был в то время, трудно было решиться поднять кого-либо из ребят. Ну а вы были еще в действии. И верил я, что сможете дойти. Рябов — он же ваш друг.

— Так и закончилась наша беседа, короткая, но такая емкая и полезная! В ид ел я Лебедева и во втором походе, когда разведчики бежали с сопки. Тогда я заметил, что у него дрожали руки. Скажи мне кто-нибудь об этом — не поверил бы... Да и как можно поверить, что у нашего Георгия, как звали его в отряде, могли дрожать руки! Потом мы поняли — не от страха, а от стыда за панику, которой поддались некоторые разведчики, не находили они покоя. Благодаря мужеству Лебедева, его командирской решительности, личному примеру храбрости удалось восстановить порядок, собрать отряд и дать отпор врагу.

Мне повезло потому, что я видел перед собой образец того, как

надо владеть собой в бою, как влиять на подчиненных, увлекать их на выполнение поставленной задачи.

Первым моим фронтовым младшим командиром был старшина второй статьи Степан Мотовилин. Интересный, необыкновенного мужества человек. Страстный рыболов и охотник, неумолимый ходок, находивший возможность все свое скудное свободное время проводить в лесу и на озерах. В нашем отряде он был с самого начала командиром группы разведки.

Степан Мотовилин многое сделал для отряда, особенно в первый период его существования, когда к нам приходили бывалые моряки с кораблей, люди, закаленные морально и физически, но почти совершенно не знавшие сухопутного оружия, тактики и топографии. Трудно было им и в наших тяжелых походах. Длительные скитания по сопкам с нелегким грузом и оружием требуют очень разумного размещения тяжестей, чтобы они не сковывали движений человека. Солдатские вещевые мешки нам не годились — нужны были специальные рюкзаки. Следопыт и охотник Мотовилин сам конструировал и подгонял их. Нагрузив разведчиков, водил их по самым труднопроходимым тропинкам и без тропинок, учил ориентироваться в горной местности, читать чужие следы и не оставлять своих. Трудился Степан на этом поприще самозабвенно, и молодые разведчики по праву называли его наставником.

Был у Мотовилина завидный темперамент удивительно цельного человека. Если он любил или ненавидел, то до конца и бескомпромиссно. Когда мы взяли первых пленных, один из гитлеровцев попросил пить. Молоденький разведчик схватил котелок и рысью направился к озеру. Вдруг Мотовилин что было сил закричал на него:

— Стой! Ты что, прислуга им? Пить захотели? А когда они убили Лебедева, искалечили столько ребят, они не хотели пить? Потерпят, а ты запомни это... Придет время — я сам свожу их к озеру на водопой. А прислуживать — не смей!

Порой горячность его подводила, и я на его же примере учился самообладанию, умению наглухо зажать собственные нервы в кулак.

Однажды мне, Мотовилину и Лосеву командир приказал связаться с батальоном морской пехоты. Мы проскочили, используя снежный заряд, через окружение врага и стали быстро уходить по

лощинам и оврагам. Снег здесь лежал водянистый, тяжелый, без лыж нам было тяжело, и мы очень устали. На подходе к своим решили больше не маскироваться и пошли прямо через озеро, где снега почти не было. У нас еще не было специальной форменной одежды. Одевались мы кто во что, больше в спортивную форму, но так, чтобы было легче и удобнее работать. Вдруг слышим басовитый голос:

— Стой! Руки вверх!

Степан побледнел и тоже заорал:

— Это кто там кричит? Да я перед фашистами никогда не поднимал руки! Вот доберусь до вас...

— Бросай оружие! Ложись, стрелять будем, — спокойно пробасил все тот же голос.

— Я вам стрельну! Я не таких стрелков видел, — прокричал Мотовилин, продолжая двигаться вперед.

Вдруг раздалась две короткие пулеметные очереди, одна просвистела над головами, вторая легла метрах в пятнадцати впереди. Степан завопил истошным голосом:

— Что вы делаете?! Да я вас...

Он рванулся вперед, но мы со старшиной первой статьи Лосевым успели схватить его и удержать. С сопки спустились офицер и три морских пехотинца с оружием наготове. У подножия сопки мы представились друг другу, поздоровались, обменялись информацией и, тихонько поднимаясь на сопку, начали деловой разговор. Мотовилин сразу же подался разыскивать пулеметчика. Когда мы поднялись на сопку, Степан бушевал:

— Ты мокрая курица, а не пулеметчик. У тебя пули летят куда угодно, только не в цель.

— Так приказали, — пожал плечами совсем еще молодой солдат.

— Так приказали... — передразнил Мотовилин. — А в своих стрелять можно?

— Кто вас разберет: свои вы или чужие, — возразил пулеметчик. — Оделись в какую-то хламиду...

— Хламиду?! — взревел Степан. — Да как ты смеешь! Тебе эту «хламиду» век не заслужить — ее выдают тем, кто воевать и стрелять умеет. Я тебя сейчас научу, как стрелять нужно, ну-ка, иди ко мне!..

Но молодой пулеметчик счел за лучшее скрыться в группе своих

товарищей, которые весело смеялись, наблюдая за этой сценой.

Прибывший на сопку командир батальона выделил нам пулеметное отделение. Мотовилин, узнав об этом, попросил:

— Товарищ майор, вы нам того, который стрелял в нас, дайте. Славный парень. Мы его обучим и вернем вам в лучшем виде!

У пулеметчика на глазах выступили слезы. Он весь сжался. Но вскоре они со Степаном стали закадычными друзьями. А уж стрелял пулеметчик после уроков Мотовилина действительно по-снайперски.

Мы вернулись в тот день как раз кстати. Ребята держались из последних сил. Боезапас кончился. Мы принесли им облегчение и веселую передышку. Пулеметчики под руководством Мотовилина длинными очередями так почистили склоны сопки, что егеря запрыгали вниз, как зайцы, и долго не решались потревожить нас.

Впоследствии мы долго шутили над Мотовилиным, напоминая ему перепалку с пулеметчиками: «Ты в него — словами, а он в тебя — пулями...» Он отшучивался, все более утверждаясь в мысли, что выдержка нужна на фронте каждому, а воспитателю — втройне.

Напомню, что было это в самом начале войны, и мы еще не отпустили от привычек мирного времени. А война не ждала, она брала свое. А кто не умел быстро перестраиваться, тот расплачивался кровью. К счастью, Степан Мотовилин быстро осознал свою слабину и вскоре избавился от нее.

Каждый из наших боевых друзей был сугубо индивидуален, со своим характером и внешним обликом. А все вместе мы составляли один воинский коллектив, многоликий, но крепко спаянный любовью к Родине и ненавистью к врагу.

Пришел как-то в отряд молодой паренек краснофлотец Рихард Кеньев, финн по национальности. Был он среднего роста, белобрыс и начисто лишен, что называют, внешней эффектности. Почему-то он всегда улыбался, и это на первых порах озадачивало разведчиков. Он часто коверкал русские слова, из-за этого над ним потешались, а он не обижался. Бывало, только улыбнется в ответ и скажет:

— Так легче и проще.

— Смотрите, опять расплылся, как ясное солнышко, — сказал ему старшина второй статьи Володя Фаткин после очередной улыбки. — Ты где такой вырос?

— В лесу, — безмятежно ответил Кеньев.

— Лесовик, значит. А что делать умеешь?

— Ходить на лыжах, стрелять.

— Не много, однако...

Вскоре оказалось, что он умеет гораздо больше, чем мы думали. Степан Мотовилин и Рихард Кеньев быстро нашли общий язык. Как завязалась их дружба, трудно сказать. Говорят, что Степан очень хотел научиться хорошо метать нож, а у него все не получалось. Как-то раз Кеньев заметил это, подошел к нему, взвесил нож на руке и едва уловимым движением кисти послал точно в цель.

— Ого! Видали?! Где это так научился?

— В лесу, в Осоавиахиме и еще кое-где, — с уклончивой улыбкой ответил Кеньев. — А вашим ножом, товарищ старшина, только хлеб резать можно. Спрячьте и не мучайтесь... Натек-ка мой. А теперь смотрите, как надо...

Постепенно вопреки ожиданиям Рихард стал в отряде прямо-таки незаменимым человеком, душой-парнем. Мы молчаливо признали в нем многоопытность, практичность человека, выросшего в лесах Заполярья. Признал это и Степан Мотовилин, ибо сам он, знающий лес и горы, понимал, что такие навыки даются трудно.

Разжигают, к примеру, на привале костер — дымно, а огня нет. Подойдет Рихард, поколдует — все наоборот... Или группа разведчиков ночью среди скал — луна, снег искрится. Смотришь, вдруг исчез впереди идущий — в яму залетел. Выходит вперед Рихард — и ни одной ямы на пути! Он их особым чутьем угадывает, лыжня становится ровной и приятной.

Я рассказал об этих двух разведчиках не потому, что они были выдающимися бойцами. В схватках с врагами находились посильнее их. Но было у них свое, только им присущее — они всегда знали, что надо делать, и редко допускали ошибки, за которые всегда придется дорого расплачиваться. Мы все учились у них этому редкому искусству, так необходимому фронтовику.

Под новый, 1942 год мы ушли в тыл врага. Снег был очень рыхлый и глубокий, даже на лыжах мы утопали до колен. Направляющие менялись буквально через каждые полчаса.

Выйдя на большое озеро, мы со старшим краснофлотцем Поповым метров на пятьдесят оторвались от основной группы. Миновали островок в центре озера и пошли дальше. Вдруг сигнал от командира группы старшего лейтенанта Фролова — вернуться на остров.

Мы с Поповым видели, что это ошибка, — на острове задерживаться нельзя, лучше идти дальше, лес рядом. Я пытался убедить Фролова:

— Здесь очень опасно, островок маленький, только верхушки березок видны из-под снега, все просматривается с любой сопки, нас заметят, и мы не сможем защищаться. А до леса не больше пяти минут хода.

Но он отверг мое предложение:

— Нам пора на связь. Мы не должны опаздывать, ведь мы разведчики.

Только радист развернул антенну, как над озером появились четыре «мессера». Они нас не сразу заметили — сперва обнаружили лыжню и невысоко пролетели над ней. Пройдя над нами, засекли, где прерывается лыжня, развернулись и уже на бреющем полете атаковали нас, тщательно примерившись.

Медленно тянулось время, фашистские летчики не спешили. По одному заходили в атаку, выпускали короткую очередь и горкой уходили в сторону, уступая место следующему. Падали срезанные пулями и осколками вершины березок, а мы молча лежали, не в силах что-либо предпринять.

Основной огонь враги сосредоточили по центру островка, где у нас была развернута рация и валялись наспех замаскированные рюкзаки да лыжи. Там я и получил свои два осколка — в руку и спину, прежде чем, улучив момент между двумя атаками, перебрался на самый край островка и там зарылся в снег.

Разведчики нашего отряда не один раз побывали в глубоких рейдах в тыл врага и имели солидный опыт действий там. Случалась обстановка и посложнее той, в которой мы сейчас оказались. Но тогда мы имели дело с противником наземным, и, как бы он ни был силен, мы могли противопоставить ему свое мастерство, всю свою смекалку. Теперь же мы не могли предпринять в ответ ничего. А я знал по собственному опыту: ничто так не угнетает бойца, как собственная беспомощность.

Истребитель заходил в очередную атаку, и я чувствовал, как во мне растет злоба и какая-то безрассудность. Хотелось вскочить во весь рост, схватить бесполезные теперь автомат или пистолет и броситься навстречу самолету. Пересилив эту минутную растерянность, я испугался, как бы у кого-нибудь из наших ребят не сдали нервы.

Первым не выдержал Яша Попов. Приподнявшись на локтях, он

начал ругать всех, кто попадал ему на язык. К нему подполз очень спокойный и рассудительный старшина второй статьи Саша Манин и посоветовал:

— Брось, Яша, не шуми, волноваться вредно. Побереги нервы. Они тебе пригодятся. Полетают, полетают эти мерзавцы — и отвалят.

Досталось нам крепко. Был убит радист старший краснофлотец Василий Палкин — он снял маскировочный халат, чтобы удобнее было работать, и стал хорошей мишенью для летчиков. Тяжело ранило разведчиков краснофлотцев Иванова и Карху. В довершение всего разбило рацию. Нас спасли наступившие сумерки — самолеты уже не могли прилететь — и то, что у линии фронта нас ждали олени. К рассвету все мы собрались на своей маневренной базе.

Такова расплата за тактическую ошибку. Разведчики пережили и это, отряд стал еще сплоченнее и сильнее. Люди больше учились и работали, не стеснялись советоваться друг с другом, прежде чем принять решение. А уж если был отдан приказ, то выполняли его точно в срок, не жалея себя. Только общими усилиями ковалась победа.

Много легенд сочинено о нашем отряде. Иногда они идут от жизни, в их основе лежат конкретные факты, а чаще факт обрастает вымыслом, и образы разведчиков расплываются, делаются неестественными. А ведь это простые люди, труженики войны, которые если и отличаются от других воинов, то лишь тем, что были поставлены в особые условия, требующие проявления их особых качеств.

Одни легенды, гиперболизируя события, представляя их в образах и красках, помогают лучше понять и усвоить истину. Другие же неразумно затеняют смысл и суть героики и дискредитируют ее. Лубок и сказка не всегда доходят до сознания молодых людей и чаще отталкивают их от военной истории, чем привлекают к ней.

Однажды после моего выступления перед молодежью города Калинина мне задали вопрос: «Расскажите, как вы, проникнув через трубу в землянку врага, перебили всех фашистов, захватили документы и ушли?» По тому оживлению, которое мгновенно вспыхнуло в зале, я понял: это очередная легенда, кто-то уже успел сочинить небылицу, и люди проверяют правду.

Конечно, мне пришлось разочаровать слушателей. Документы, пленных брать приходилось и драться тоже, а вот чтобы лазить в трубу... Я объяснил, что в годы войны и мы имели достаточно боль-

шой опыт, и, если командованию требовались документы, мы находили приемлемый способ добыть их. А вот лезть в трубу и оказаться в ней совершенно беспомощным человеком не доводилось. Да и зачем? Ведь пока ты спускаешься, тебя запросто выдернут за ноги... Авантюризмом разведчики никогда не увлекались. Выполняя очень нужные задания командования, мы не имели права глупо рисковать, безрассудно ставить под удар и свою жизнь, и решение задачи. Так воспитывали меня, так я воспитывал своих разведчиков.

Вспомнил об этом потому, что часто хотят услышать о каких-то невероятных похождениях и приключениях типа рассказней барона Мюнхаузена. Если же всего этого нет, то падкие на сенсации люди обижаются. Нас кое-кто считал эдакими «везунчиками», рассчитывающими на удачу. Прославленный подводник Северного флота, большой друг нашего отряда Герой Советского Союза контр-адмирал Иван Александрович Колышкин по поводу подобных высказываний как-то повторил известную фразу А.В. Суворова: «Раз — везение, два — везение, но когда-то должно быть и умение». И добавил, что риск, построенный на точном расчете и мастерском выполнении задачи, лежал в основе героики...

Осенью 1941 года нам вместе с разведывательной ротой морской пехоты пришлось выполнять весьма ответственное задание. Даже тогда, когда боевой опыт у нас был еще мал, все рассчитывалось нами до мельчайших подробностей. Мы добивались, чтобы каждый взвод, каждая группа, а в группе каждый разведчик знали свои обязанности в бою и делали только то, что обязаны делать согласно плану. Скрупулезная точность и честность, а не бездумный риск помогали нам выполнять задачу.

Не сумев захватить незамерзающий порт Мурманск, гитлеровские войска оказались вынужденными зимовать в сопках, в районе реки Западная Лица. Пока не выпал снег, фашисты стали поспешно создавать базу снабжения в селении Титовка, на временно оккупированном кусочке нашей территории. Туда они свезли горючее и боеприпасы, теплое обмундирование и продовольствие. Вот эту базу в ночь на 7 ноября, когда уже выпал снег и прекратился подвоз нового довольствия, мы и должны были уничтожить. Свой поход мы проводили под девизом: «Все силы — в помощь защитникам столицы. Таков наш вклад в оборону Москвы».

Трудно было командире отряда. Обычно приказ о задаче, по-

ставленной перед отрядом, и состав походной группы объявляли за три часа до выхода, после чего выключались телефоны и из помещения никто не выходил. И вдруг откуда-то стало известно, что поход будет боевой, цель его — оказать помощь защитникам Москвы. В те дни на торпедах, бомбах и даже на снарядах писали: «За Москву», «В помощь защитникам Москвы» и прочее в этом роде. Энтузиазм на флоте был огромный. В отряде все рвались в поход, даже больные. Разведчики еще не знали, сколько человек и кто именно пойдет, что будет за поход, тщательно готовили оружие, подгоняли снаряжение.

Вот типичный эпизод. Старшина отряда старшина второй статьи Григорий Чекмачев, прекрасный пулеметчик, видя, как старается Мотовилин, спросил:

— А ты чего суетишься, Степан?

— Как чего, — быстро ответил Мотовилин, — тут дел полно. Какой-то разгильдяй пряжку у рюкзака срезал, нож куда-то запропастился — поневоле будешь суетиться.

— Брось, Степан, ты же больной! Командир сказал, чтобы я составил список освобожденных врачом, будете охранять здесь помещение.

— А кто меня больным сделал? — вспыхнул Мотовилин. — Я ногу на лыжах ушиб, пришел к врачу помазать чем-нибудь, а он: тебе, Мотовилин, отдохнуть нужно. От лыж меня освободил, а не от похода! Так что ищи других.

— Не-ет, — настаивал Чекмачев, — с больной ногой в поход никак нельзя.

Мотовилин сплюнул и побежал к командиру.

Еще с порога он зашумел:

— Товарищ командир, кто меня больным сделал?

— Каким больным? Кто сказал?

— Чекмачев. Говорит, вы списки потребовали освобожденных врачом, сторожами нас здесь хотите оставить.

Инзарцев весело рассмеялся:

— Идите. Идите, никаких списков я не требовал и сам не составлял, больным вас не считаю.

Только ушел Мотовилин, появился командир группы главстаршина Анатолий Баринов, более спокойно, но тоже настойчиво заговорил:

— Товарищ командир, мне сказали, что, поскольку наша группа техническая, мы остаемся здесь.

— Стыдно, товарищ Баринов, слушать разную болтовню. Я еще и сам не знаю, кто пойдет, — покачал головой Инзарцев. — Идите передайте всем, чтоб ко мне больше не ходили.

Но тут появился очень скромный и очень хороший разведчик краснофлотец Михаил Черных.

— Товарищ командир, я из Коми АССР, но Москва и наша столица...

— Хватит! — гаркнул Инзарцев. — Пойдем!

Инзарцев вышел из кабинета и направился к разведчикам. Он не сердито, но сурово сказал:

— Знаете, орлы, ну вас всех к шуту. Вы тут переругаетесь перед походом. Соберитесь все!

Так был определен состав разведчиков на этот праздничный поход к базе Титовка. Полный инструктаж об обязанностях каждой группы в бою, порядке высадки и движения на переходе к базе, а также цели похода разведчики получили уже на Рыбачьем, где отряд сутки отработывал свои действия вместе с разведротой.

После высадки с катеров-охотников на побережье, занятое противником, маскируясь, мы двинулись к Титовке. Погода стояла чисто северная: то предательский свет луны освещал вершины сопки и открытые долины, загоняя нас в труднопроходимые от снега ущелья, то вдруг небо закрывалось косматыми облаками, налетала пурга, и мы, не маскируясь, бежали через озера, уже скованные льдом.

До базы оставалось совсем недалеко — еще одна обширная долина. Обойти ее по сопкам трудно, да и время поджимало: мы не могли идти на предельной, доступной нам скорости, так как нас сковывала рота, слабее нас подготовленная физически. К чести ребят, они хоть и спотыкались, иногда даже срывались с откосов, буквально вползали на горки, напрягая все силы, но упорно старались не отставать.

— Хорошие хлопцы, — сказал Инзарцев. — Им бы выучку получше, получились бы прекрасные разведчики!

Пока мы думали перед долиной, что делать, луну закрыли облака, налетела пурга. Отряд стремился прямо к базе, а морские пехотинцы, разделившись на две группы, уклонились чуть в сторону от отряда — им было приказано в бой не ввязываться, а занять оборону с флангов базы и контролировать реку.

Погода Севера изменчива, доверять ей нельзя. Бывает, идет такой густой заряд — конца ему не видно, и вдруг через какие-то пять минут все тихо — небо чистое, и луна сияет, как новенькая.

Не успели мы добраться до базы, как ветер внезапно стих, появилась луна, а до базы оставалось еще метров двести. Рукой подать стояли три гитлеровца, огорошенные нашим появлением. Некоторое время мы изучали друг друга. Наконец командир крикнул:

— Взять живыми!

А как? Только мы шевельнулись — они побежали. Эти верзилы, горные егеря чуть не двухметрового роста, тоже неплохие спортсмены и бегать умеют. Сначала они действовали молча, и мы понемногу приближались к ним. Но потом стали стрелять на ходу, даже ухитрились пустить ракету. Командир, понимая, что тревога на базе неизбежна, крикнул:

— Да успокойте вы их поскорее! Весь гарнизон поднимут... Быстрее, пока там не поняли, в чем дело! Вперед!

Враги не успели занять оборону. Выскочили только первые полураздетые егеря, поднятые тревогой с постелей, а разведчики уже атаковали их, каждая группа занималась своим делом. Группа главстаршины Баринова устремилась к стоявшим на улице машинам, и они быстро запылали факелами. Группы старшины первой статьи Лосева и главстаршины Ченговатого занялись складами и подожгли их. Остальные группы блокировали жилые дома и почти в упор расстреливали выбегавших солдат. Все шло четко по плану.

Обезумевшие егеря поворачивали обратно, пытаются укрыться в зданиях, но в окна полетели гранаты. Вспыхнули пожары. Врага охватила паника.

Гарнизон на самой базе небольшой — руководство базой, писари, учетчики, рабочие складов, охрана и шоферы. Основная часть его дислоцировалась на другом берегу реки Титовка. Там не понимали, что творится на базе, — всякая связь была с ней прервана. Пройти гитлеровцам непосредственно на базу было невозможно: помещения, расположенные у реки, горели, и наши разведчики, которые пробрались к самой реке, заметив врагов на льду, расстреливали их. Тогда фашисты решили перебраться на наш берег в стороне от базы и постараться окружить ее. Но стоило им только появиться на льду реки, как в упор открыли огонь разведчики морской пехоты. Попытка обойти базу с другой стороны тоже провалилась. Тогда

Немецкие горные егеря

взбешенные гитлеровцы открыли сильный пулеметный огонь по своей же базе... Так с нею было все кончено. Командир дал команду отходить.

Отход — сложный маневр. Это не бегство с места боя и не просто отступление. За спиной у нас чужая территория, и на пути к месту встречи с кораблями мы в любой момент можем встретиться с врагом. Особенно трудно приходилось разведроте. На нее все упорнее наседал противник. Это обстоятельство обязывало нас максимально помочь отходу разведчиков. Как наиболее подвижные и выносливые, две группы нашего отряда заняли места на флангах, и лишь когда разведрота скрылась из виду, они ото-

шли и быстро догнали наш сводный отряд. Делалось все по заранее продуманному плану. Это и обусловило конечный успех.

Всю дорогу над нами, шипя, взлетали ракеты, то и дело вспыхивали осветительные снаряды. Мы шли по освещенной земле Заполярья. Шли дружно, весело. Даже морские пехотинцы взбодрились и обрели второе дыхание.

— Идут как на прогулке, не хватает только веселой песни, — заметил один из наших.

— А что, можно и песню, — весело ответил другой. — Все равно егеря теперь до утра из своих укреплений носа не высунут.

На свою базу мы прибыли, когда в Москве начинался военный парад на Красной площади. Разведчики, быстро сняв обмундирование, бегом устремились в ленинскую комнату слушать Москву. Недоволен был только заступивший дежурить по отряду старший краснофлотец Алексей Чемоданов. Он хмуро посмотрел на разведчиков и крикнул:

— Быстро строиться!

— Куда? Зачем? — зашумели разведчики.

— С бригады лодок звонили, праздничный завтрак ждет вас, и держать его больше не могут.

— Не пойдем! Обойдемся! — раздалось в ответ.

Чемоданов растерялся, решил доложить командиру, но тот сам вошел в ленинскую комнату. Осмотрев пеструю толпу разведчиков, улыбнулся и сказал:

— Сообщите, что завтрак переносится на более позднее время.

Кончился парад, разведчики позавтракали. А потом шел разговор о войне, родных и близких, многие из которых оказались на оккупированной территории и ждали помощи от родной своей Красной Армии. Немного отдохнув, мы были готовы к новым рейдам по тылам ненавистного врага.

ЗНАНИЯ — ОПОРА ПОДВИГА

В наше время вся деятельность людей связана со сложной техникой, большим количеством машин, станков, агрегатов. Теперь трудно представить себе кого-то, кому не нужны были бы технические знания. И если человек знает свое дело хорошо, то берется за выполнение любой задачи, связанной с использованием оружия, машин, агрегатов, с твердой уверенностью, что они его не подведут. Его воля тверда, а действия в любой обстановке будут смелыми, инициативными, красивыми. Если же запас знаний мал, у него нет уверенности в успехе, и, получая сложную задачу, он, вероятно, думает: «Обойдется ли сегодня, сумею ли выполнить задачу или...» Он начинает бояться, все время оглядывается на соседей. А если нет соседей, что тогда?

Давайте посмотрим на солдата, действующего в бою. Солдат получил задачу и выполняет ее, опираясь на своего помощника — оружие, технику, и от того, как он знает своего помощника, как верит ему, зависит в целом его уверенность в успехе, устойчивость воли. Кроме того, солдат на пути к цели встречает не пустое пространство, а врага, в руках которого тоже техника, оружие. И солдат будет действовать уверенно, решительно только до тех пор, пока все, что он видит перед собой, ему понятно, пока для него нет загадок, а его солидный запас знаний дает ему возможность понять и правильно оценить трудности и опасности на пути к цели и найти правильное решение борьбы с этими трудностями и опасностями. А приняв твердое решение, уверенный в своем успехе, он проявляет смелость, идет на риск, и воля его несокрушима. Но как только солдат встречает на своем пути что-то непонятное, загадочное, когда его порой скудный запас знаний не позволяет быстро оценить обстановку, а значит, найти правильное решение, он теряется, допускает ошибки, а в бою это ведет к гибели.

Иван Кожедуб, отвечая на вопрос о значении смелости, заявил: «Конечно, на войне все бывает, но чаще погибает тот, кто боится».

Расскажу об одном случае, происшедшем в годы войны на Северном флоте. Отделению моряков под командованием Василия Кислякова была поставлена задача удержать одну из сопок. Гитлеровцы наступали силами, во много раз превосходящими горстку со-

ветских воинов. Бой был жестоким. Много бойцов погибло, раненые отошли. Последнего здорового человека Кисляков послал за подмогой и остался на сопке один. Чтобы ввести противника в заблуждение, он собрал все оружие отделения, умело расположил его и, попеременно ведя огонь с разных мест, создавал видимость, что на сопке не один человек, а целая группа. Но фашисты по-прежнему остервенело рвались вперед. Тогда Кисляков открывал огонь из пулемета, бросал гранаты, и враги скатывались вниз, оставляя десятки убитых.

Но вот кончились боеприпасы, осталась последняя граната... Василий выждал, когда егеря оказались на самом крутом участке склона, поднялся во весь рост, бросил гранату и, крикнув «Взвод, за мной, в атаку!», ринулся на врага. Егеря панически бежали, а находчивый воин, подобрав большое количество оружия, вернулся на сопку и сумел удержать ее до прихода подкрепления.

Храбрость воина, недрогнувшего перед лицом смертельной опасности, его боевая выучка, находчивость позволили ему в тяжелых, казалось бы, безвыходных условиях не растеряться и победить.

Храбрость, находчивость Кислякова основывалась на большом запасе знаний, умении использовать различное оружие, а главное — на отличном знании психологии врага, и поэтому воля его была несокрушима. Он мог бы поступить смело, взорвать себя последней гранатой, но подвига в полном смысле этого слова не было бы. Была бы не выполнена основная задача — удержать сопку; враги захватили бы ее, а выбивать их вновь пришлось бы с большими потерями. За этот подвиг Кисляков первый среди моряков Северного флота был удостоен звания Героя Советского Союза.

Опытом войны доказано: человек действует уверенно, решительно и грамотно до тех пор, пока все, что видит перед собой, ему понятно, все опасности и препятствия, которые предстоит преодолеть, ясны, и он знает, как с ними бороться. Такого не собьешь с пути. Но стоит ему встретить что-нибудь загадочное, неизвестное, он почти всегда на какое-то время теряется.

Очень показательный случай произошел во время освобождения Печенги (Петсамо). Высаживались два отряда одновременно: соседний находился на катере-охотнике, наш — на торпедном. Катер-охотник быстро подошел к берегу, четко была подана сходя, и разведчики, не замочив ног, сбежали на берег. На нашем картина

Немецкие горные егеря

сложилась совсем иная. Командир долго маневрировал, прежде чем ему удалось подойти к береговой черте. Последовала команда: «Подать сходню». Матросы, которые обязаны выполнять эти практически несложные действия, слабо знали свои обязанности, оттого и действовали неуверенно, робко. Катер волной начало разворачивать, и командир был вынужден отойти от берега.

Снова маневрирование для подхода к берегу. Вновь звучит команда: «Подать сходню». В ответ — те же ошибки матросов... Правильно говорят, что море не прощает, не щадит неумелых и разгильдяев. Ударом волны выбило из нерадивых рук сходню и унесло в море. Катер вновь вынужденно отошел от берега. Что делать? Конечно, можно было бы высаживаться: прыгай в воду и — гребь вплавь. Но с оружием, боезапасом, рюкзаками далеко не уплышь.

Командир катера принимает решение возвращаться на базу. Он еще, вероятно, не понимает, чем все это кончится. Он наивно считает, что просто не сумел высадить, и все. За это могут отстранить от командования катером, наложить взыскание... Мы же видели в этом другое: это не просто невыполнение задачи отрядом не по его вине, а срыв операции, проводимой флотом. Корабли наши пойдут с большим десантом в порт Лиина-хамари, а вход в него будет закрыт на замок, батареи мыса Крестового станут в упор расстреливать их в узком проходе, соединяющем порт с морем.

Кроме того, в нашем отряде давно уже укоренился неписанный закон: «Не выполнил задание — не возвращайся». Укоренился он не сразу, а лишь тогда, когда отряд стал действительно грозной боевой силой, когда каждый разведчик стал настоящим мастером разведывательно-диверсионного дела.

Разумеется, мы бурно запротестовали, узнав о решении командира катера. Решили: пусть разобьется катер, но отряд будет высажен! Это наше решение было бесповоротным. Нам помог командир катера-охотника лейтенант Борис Митрофанович Лях. Он подошел почти вплотную к нашему борту и спросил, в чем дело. Я объяснил ему ситуацию и наше решение. Мы — старые друзья с Борисом Митрофановичем, он много раз снимал нас с побережья врага, буквально вытаскивая из огня, и мы бесконечно верили в его искусство. Борис Митрофанович хорошо знал выучку разведчиков и спокойно сказал:

— Надеюсь, сумеете перепрыгнуть ко мне на борт?

— Сумеем, — ответили.

— Ну и добре. Командир, — это уже командиру катера, — держи курс навстречу волне, иди самым малым, я буду проходить мимо на чуть большей скорости, разведчики знают, что им делать. Понял? Начали!

Перепрыгивать с катера на катер, спокойно стоящий рядом, на метровом расстоянии, на палубу, загроможденную всякой всячиной, и то опасно, если ты переотягощен грузом, но все-таки можно. А как быть, когда катера на ходу и имеют разные скорости? Когда волна качает их, и ты не знаешь точно, каким окажется расстояние в момент твоего прыжка?.. Тут нужны большое мастерство, сноровка, смелость и решительность. Большое мастерство, отвага требуются тому асу, который решил провести свой катер на волне

почти рядом с другим катером. Выручить может только ювелирная работа.

Борис Митрофанович так и сработал. При первом проходе перепрыгнули всего три разведчика. На охотнике матросы, хорошо знающие свое дело, буквально ловили их на руки. На втором — гораздо больше, потом еще и еще... На пятом «перегрузка» разведчиков с катера на катер закончилась. Катер-охотник твердо взял курс к берегу. Мы любовались удивительной отточенностью действий моряков. Как только катер приблизился на расчетное расстояние к берегу, послышалась команда: «Обеспечивающие — в воду». Несмотря на большую глубину и сильный прибой, два матроса мгновенно прыгнули с носа катера в воду. «Подать сходню!» Поползла сходня с палубы катера к берегу и легла на плечи стоящих по горло в воде матросов. «Начать высадку!» Разведчики, веселые и довольные, стремительно побежали по сходне, которая почти не качалась, крепко удерживаемая мужественными моряками.

— До свидания, орлы, желаю успеха! До скорой встречи! — крикнул нам на прощание Борис Митрофанович.

Два почти одинаковых катера, одинаковые условия действия, два экипажа, но как не похожи действия людей! Они вполне объяснимы: разный запас знаний, мастерства, разный уровень подготовки, разная психологическая закалка и волевая натренированность. А главное, диаметрально противоположный подход к восприятию обстановки, а отсюда — и разное чувство ответственности за выполнение приказа. В итоге — диаметрально противоположные результаты при выполнении одной и той же задачи. Впрочем, почему одной? Ведь задача команды катера-охотника, принимавшего нас на свой борт, куда как осложнилась. И надо иметь поистине твердую волю, ум и большое сердце, чтобы взять инициативу на себя и довести до конца общее огромной важности дело.

Умело использовал боевую технику и экипаж подводной лодки Северного флота Щ-402. Однажды лодка успешно атаковала вражеский транспорт, но затем подверглась длительному преследованию кораблей охранения противника. Без горючего, с разряженными батареями, она оказалась в критическом положении — не могла ни идти, ни погрузиться. И хотя было уже темно и корабли противника преследование прекратили, рядом находился вражеский берег с наблюдательными постами и мощными батареями. Однако и в такой

обстановке, из которой, казалось, нет выхода, экипаж подводной лодки не сдался. Из парусиновых чехлов моряки сделали парус, который был поднят на перископе, и лодка отошла от опасной береговой черты. Тем временем мотористам удалось запустить дизель, используя вместо солярки смазочное масло. Они отлично знали возможности дизелей марки З8-К-8. Вероятно, даже создатели этих двигателей не предполагали такого варианта, но мотористы своими знаниями и опытом расширили возможности техники.

Еще раз, касаясь знаний, скажу, что все мои ранения, которые я получил за годы войны, пришлось на ее первый период, вернее, на самый первый год. Было мало знаний, мало умения, мало опыта. Потом все это пришло, и вот тогда я поверил, что при встрече лицом к лицу с любым врагом, как бы ни был он вооружен, я выйду победителем. Схватка с врагом обычно кончается раньше, чем встречаются штыки. Кто-то из противников проигрывает морально, и бой для него кончается либо пленом, либо гибелью.

Все эти примеры из времен минувшей войны. Теперь же техника шагнула далеко вперед, и непомерно выросло значение знаний в воспитании волевого, мужественного человека, способного стать настоящим защитником своей Родины.

Но не только технический запас знаний нужен для воспитания воли. Необходимо уметь логически мыслить, предугадывать ход развития какого-либо события, нужно знать психологию человека при встрече с опасностью и уметь или своевременно прийти на помощь другу, или в самый выгодный момент нанести удар врагу. Нужно знать объективные законы развития общества и уметь использовать их в борьбе. Только всесторонний запас знаний делает волю человека предельно устойчивой и дает ему возможность в любых, самых трудных, самых опасных ситуациях находить правильные решения.

БЕЗ ДИСЦИПЛИНЫ НЕТ ВОЛИ, НЕТ ПОДВИГА

Часто молодые люди говорят, что к ним напрасно предъявляются повышенные требования, что сейчас не война и можно позволить себе некоторую легкость в поведении, а вот случись что, тогда и посмотрим, кто на что способен, кто первым бросится на амбразуру или ляжет под танк. Прежде всего я должен сказать, что ни один бой не планируется так, чтобы кто-то бросился под танк. Такие ситуации создаются обычно, когда кто-то из участников боя, и чаще всего из-за недисциплинированности, не выполняет четко своих обязанностей, дает возможность противнику перехватить инициативу, добиться успеха, и вот тогда другому человеку или подразделению ценою своей жизни приходится исправлять эту оплошность. Если же в бою все до единого будут действовать четко, слаженно, то лишних жертв не будет. Однако есть и другое мнение о дисциплине. В этом большая вина ложится на фронтовиков-ветеранов. Рассказывая о войне, мы говорим иногда, что в годы войны недисциплинированные люди проявляли наибольшую смелость. Некоторые рассказчики изображают разведчиков такими сорвиголовами, так что диву даешься. Идет в тыл врага: нож в зубах, пистолет за голенищем, полные карманы гранат, и дрожат перед ним и враги, и свои.

Нет, такого недисциплинированного человека в разведку вообще посылать нельзя. Там все построено на четком выполнении каждым своих обязанностей, и малейшее отклонение от плана общих действий может привести к невыполнению задачи и даже гибели людей. Самое большое, на что способен такой парень-ухарь, это совершить лихой поступок в азарте боя. Так разойдется иной раз, что забывает даже о том, что от него требуется, крушит направо и налево, не согласовывая свои действия с действиями товарищей. Бывает так и в труде. Иногда человек в повседневной деятельности проявляет самую настоящую недисциплинированность, но вдруг в какой-то авральной ситуации он начинает проявлять свою лихость. И смотришь — его хвалят. Но не эти лихие поступки обеспечивают решение трудовых задач, и не они решили судьбу войны. Судьбу войны решили подвиги миллионов солдат и матросов, которые со-

вершались не в азарте боя, а ежедневно, в течение всей войны. Вот на такое действие недисциплинированный человек не способен. Уметь обуздать свои страсти, порывы, желания, зажать нервы в кулак и направить свои усилия на выполнение поставленной боевой задачи может только человек с высокой, сознательной дисциплиной.

И вот тому пример. Группа разведчиков в составе пяти человек была высажена в тыл противника. Они имели указания себя не обнаруживать и только в крайнем случае, если соседняя разведгруппа окажется в тяжелом положении, принять удар на себя. Несколько суток разведчики находились в тылу врага, все шло хорошо, как вдруг обычная выдержка им изменила. Заметив группу гитлеровцев из шестидесяти человек, беспечно идущих по лощине, они решили окружить их и уничтожить. Фашисты были перебиты, документы собраны, оружие или уничтожено, или взято с собой.

Вернувшись без потерь, разведчики рассчитывали на похвалу начальства, а вместо этого командир группы получил серьезное взыскание. Группа не до конца выполнила свою задачу — она обнаружила себя, вследствие чего было сорвано выполнение задачи второй группы. Противник начал поиск и обнаружил вторую группу, которая была вынуждена вернуться на свою базу, не выполнив задачи. А выполнение задачи второй группой было гораздо важнее, нежели уничтожение нескольких десятков фашистов.

Этот случай недисциплинированности обошелся без жертв. Но бывало и хуже.

На Дальнем Востоке, в период освобождения Северной Кореи от японских империалистов, нашему отряду вместе с ротой автомат-

Начальник разведывательного отдела Тихоокеанского флота полковник А.З. Денисин и В.Н. Леонов (справа), 1945 г.

чиков морской пехоты была поставлена задача захватить в корейском порту Сейсин плацдарм для высадки основного десанта. Японцев в городе было больше пяти тысяч, но мы действовали решительно, четко, со знанием дела и к исходу первого дня захватили мосты через реку, тем самым отрезав японцам пути отхода, очистили от противника центр города и держали под контролем порт. Все, казалось, шло по плану. Ночью бой стих. Понимая, что утром японцы любой ценой попытаются уничтожить нас, расчистить себе путь к отходу и если не сорвать, то задержать высадку нашего десанта, я решил действовать.

Оборону мостов, центра города и контроль за портом поручил специальному отряду. Рота, которая еще не имела боевого опыта, должна была занять оборону вдоль реки с целью не допустить перехода противником вброд водной преграды. Опасаясь, что японцы перейдут реку ночью, я приказал командиру роты вывести своих людей к самому урезу воды и контролировать реку. Одному взводу роты морской пехоты было приказано охранять маленький мост через канал в нашем тылу.

Ночью разведчики доложили мне, что взвод у моста пропал, и разыскать его не удалось. Пришлось срочно, в ущерб обороне на главных направлениях, послать в район моста новую группу разведчиков. Выяснилось, что вопреки моему приказанию командир взвода принял решение перейти канал. На другом берегу взвод попал в засаду и был полностью уничтожен японцами.

На следующий день, когда в районе мостов разгорелся жестокий бой, я получил донесение, что рота окружена. Оказалось, командир роты тоже не выполнил моего приказа. Щадя своих бойцов, которых у реки сильно кусали комары, он отвел их под защиту домов. Японцы, воспользовавшись этим, перешли реку и сосредоточились в камышах. Когда утром командир роты решил вернуться к воде, противник, хорошо замаскированный, пропустил роту через камыши, окружил, и рота понесла большие потери. Лишь благодаря исключительному мужеству и мастерству разведчиков отряда нам удалось прорваться к роте и вывести бойцов вместе с тяжелораненым командиром из окружения. В этих действиях и наш отряд понес потери, которые были совершенно неоправданны.

Конечно, все можно оправдать, как это и делали некоторые товарищи после боя в Сейсине, отсутствием боевого опыта, но глав-

ной причиной потерь в данном случае была недисциплинированность.

А еще раньше имел место и такой случай в нашем отряде.

Нам нужно было найти базу легких кораблей противника в Северной Норвегии. На двух торпедных катерах, которыми командовал очень опытный моряк, теперь дважды Герой Советского Союза Александр Осипович Шабалин, мы вышли в море. Погода была плохая. Крупная волна не давала развить большого хода, сплошные снежные заряды скрывали береговую черту. Поплутав некоторое время в море, мы вышли к Босс-фьорду. Именно там ориентировочно должна была находиться стоянка вражеских кораблей. Мы знали, что узкий вход во фьорд хорошо охранялся, но поскольку время для поисков другого места высадки было потеряно, я и Шабалин приняли решение войти непосредственно в Босс-фьорд. Риск предстоял немалый, но мы шли на него сознательно, убежденные, что при исключительно четких действиях катерников и разведчиков сумеем выполнить задачу.

При входе мы были обнаружены, и с сигнальных постов у нас запросили позывные. Сигнальщик, передавая «ответ», имитировал неисправность электроцепи клотика, и давал свои позывные так, что ни мы, ни немцы понять их не могли. Вероятно, фашистские наблюдатели были убеждены, что только свои корабли, когда их уже обнаружили, могут так спокойно заходить во фьорд. Нас пропустили. Мы оказались в самом логове врага. Кругом батареи, в населенном пункте склады, ремонтная база кораблей, много охраны, и, чтобы не только понаблюдать, а высадиться, захватить «языков», документы, нужно незаурядное мужество, позволяющее бойцам действовать с такой дерзостью.

Высадка проводилась с помощью маленьких надувных лодок. Каждый разведчик четко знал свое место в лодке и порядок движения к берегу. На катере Шабалина находился я с основной группой разведчиков, и мы быстро и четко провели высадку. На другом катере, которым командовал старший лейтенант П. Серенько, был начальник штаба отряда, представитель разведуправления флота, группа обеспечения, радист и часть разведчиков. По плану начальник штаба должен был отходить от катера последним, вместе с радистами. На берегу, оставив у лодок группу обеспечения и радистов, он обязан был сразу же догонять нас.

Но Серенько замешкался с подходом к берегу, высадка затянулась. Представитель разведуправления начал нервничать, давать ненужные указания, вносить путаницу в отработанный план действий. Это привело к тому, что начальник штаба отряда допустил ошибку, а точнее — проявил недисциплинированность. Он прыгнул в лодку на место командира группы Ивана Матвеева. Матвеев, оставшись без места в лодке, стал сам искать, куда бы пристроиться, и ушел с катера последним, вместе с радистами.

Начальник штаба совершил и еще один недисциплинированный поступок. На берегу он не дождался подхода радистов и Матвеева с его разведчиками, а ушел вслед за нами. Иван Матвеев, оказавшись на берегу и не найдя там своей группы, но зная, что он должен руководить ее действиями, ушел догонять нас один. Нас он не догнал...

Мы действовали очень четко. Захватили «языков», документы, установили расположение складов, причалов, дали указание Шабалину снять группу обеспечения и радистов и подходить к немецким причалам за нами. Так, выполнив очень сложное задание, мы вырвались из логова врага и благополучно вернулись на свою базу. Однако в результате проявленной недисциплинированности начальником штаба и представителем разведуправления мы потеряли прекрасного разведчика, командира группы Ивана Матвеева. Недисциплинированность этих людей усугублялась еще и тем, что они доложили на катер Шабалина о возвращении всех разведчиков, высаженных на берег. На такой поспешный неточный подсчет, безусловно, повлиял страх, желание как можно скорее уйти из расположения врага. Такие люди не могли находиться у руководства отряда, их убрали, но гибель Ивана Матвеева потрясла разведчиков и еще раз показала, какое громадное значение в сложных действиях имеют четкость и дисциплинированность каждого участника этих действий.

ГОТОВ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ!

Для того чтобы хорошо выполнять определенные задачи, человек должен иметь достаточный запас моральных и физических сил и прежде всего волю. Если студент или школьник готовит домашнее задание, работает над рефератом или дипломом, он полностью сосредоточен на тех задачах или проблемах, которые ему необходимо решить к определенному сроку. Вдруг он почувствовал усталость. Он сразу же посмотрит на часы — как время? Он еще, возможно, будет продолжать работать, но его уже начнет преследовать мысль: «А не отдохнуть ли, хоть мало времени, но, возможно, успею — посижу ночью. Нет, — решает он, — позанимаюсь еще». Он еще работает, а мысль, вызванная усталостью, давит на его психику как очень тяжелый груз, она, эта мысль, мешает ему сосредоточиться на той задаче, которая стоит перед ним. Мало пользы будет от такого труда.

В бою, где человек испытывает наивысшее напряжение, мысли его всецело зависят от его физических качеств. Если солдат сильный, закаленный, то, видя перед собой противника, он думает лишь о том, как добраться до этого противника, а уж коли доберется... Такой человек решительно идет вперед.

Боевая практика убедительно показывает, что рукопашных схваток, когда оба противника с одинаковой энергией борются за победу, не бывает. Один из двух обязательно струсит и отступит, а если отступать некуда, сдастся в плен. Другой, действуя решительно, будет выполнять задачу до конца. Этим вторым будет тот, у кого сильнее воля. Таков психологический закон боя.

Ну а если солдат слаб? Поднимается, а спина болит, сапоги от земли оторвать не может, винтовка кажется тяжелой. Такому любой противник покажется богатырем. И мыслить этот солдат будет примерно так: «Добегу, если сил хватит, а что дальше будет?» Такой человек забывает о задаче, начинает думать о спасении своей жизни, отдает инициативу боя в руки врага. Но жизнь-то спасти будет очень трудно, ибо противник поймет его состояние и уже сам начнет действовать решительно и смело.

Этот закон нами был хорошо усвоен и всегда помогал добиваться успехов. Наш отряд, действуя в тылу врага, уступал ему в численности, техническом оснащении и огневой мощи, но мы всегда

побеждали в рукопашном бою. Ни немцы, ни японцы в подобных ситуациях никогда не действовали так решительно, как мы. Когда они атаковали, это был натиск массы людей, подчинявшейся другому закону — закону стада, а те, кто соприкасался с нами вплотную, только защищались, в глазах у них был страх.

В июле 1941 года, только прибыв в отряд, я с группой разведчиков был высажен на вражеский берег для уничтожения одного опорного пункта. Командир, старший лейтенант Георгий Лебедев, принял решение атаковать вражеский объект с трех сторон. Нашей пятерке предстояло обогнуть две сопки, пересечь долину и все это проделать скрытно. Мы торопились, а я, вероятно, больше всех, так как оказался метров на пятьдесят впереди товарищей. Залег в кустах и решил подождать. Вдруг из-за гранитного выступа выбежали два вражеских офицера и больше десятка солдат и направились прямо ко мне. Я прицелился и выстрелил. Офицер упал, остальные остановились. Стреляю в другого офицера — осечка. Перезарядил — снова осечка. Пока я возился, второй офицер заметил меня, выстрелил из пистолета, но промахнулся. Много различных мыслей промелькнуло в мозгу: «Можно отступить, но буду подниматься — убьет. Ждать подхода товарищей — тоже убьет. Ну промахнется несколько раз, но когда-то попадет. Что делать?»

Решение пришло тут же: «Если будет еще один промах, то дальше я ждать не буду, успею схватить офицера и смогу использовать его тело как защиту от солдат».

Он выстрелил. Промах! Я вскочил с земли и бросился вперед. Офицер больше не стрелял, а пустился наутек — за ним остальные. Я гнал их метров семьдесят. Поймать никого не сумел — в таких случаях они бегают, как зайцы, но удалось загнать всех их в блиндаж. Я швырнул туда гранату, потом подбежал Николай Даманов, и мы уничтожили всю группу. За этот свой первый бой я был награжден медалью «За отвагу».

Мысль броситься на фашистов появилась не случайно. Я верил в свои силы, верил, что в рукопашной схватке сумею уничтожить любого врага. В других боях, уже сознательно испытывая противника, мы с товарищами иногда вставали перед атакующими и решительно шли вперед, и враг отступал. Это стало нашим надежным приемом обороны, который мы использовали на Крестовом.

Психологический закон боя действовал не только на земле.

Трижды Герой Советского Союза Иван Никитович Кожедуб, возвращаясь после выполнения боевого задания на подбитом самолете без боезапаса, был атакован гитлеровским истребителем. Фашист скоро понял, что наш летчик не может принять бой, и сбивать его не торопился, а просто сопровождал к линии фронта. Кожедуб предполагал, что последняя атака будет именно здесь, на глазах у наших и фашистских войск. Выбрав момент, Иван Никитович развернул и бросил свой израненный самолет в лобовую атаку на врага...

В первый раз это решение подсказало безвыходное положение. Но постепенно накапливался опыт, приобретались знания, познавались законы боя, и в дальнейшей борьбе лобовая атака становится одним из излюбленных боевых приемов Кожедуба, основанных на психологическом превосходстве над врагом.

Отряд, в котором я начал боевой путь рядовым разведчиком, а закончил командиром, имел большие боевые заслуги, чему немало способствовала исключительная физическая выносливость наших разведчиков.

Однажды нам была поставлена задача взять пленных с прибрежной дороги в Северной Норвегии. Воздушная разведка засекала там большое передвижение войск, и для уничтожения цели этого передвижения нужны были «языки». Задача усложнялась тем, что переброска немецких частей производилась только днем, под прикрытием береговых батарей и авиации.

Мы вышли на торпедных катерах засветло, делая вид, что ведем поиск кораблей противника. Мы подсчитали, сколько времени затрачивают автоколонны на переход от одного пункта до другого. Было установлено, что одна из автоколонн придет в пункт назначения Вадсе, когда уже будет темно. Чтобы обмануть противника, катера легли на обратный курс. Лишь когда стемнело, мы повернули в район Вадсе.

Погода ухудшилась. Появилась крупная волна, и катера не сумели подойти к побережью. Разведчики высаживались на маленьких надувных лодках, потратив на это много времени. Чтобы успеть перехватить автоколонну, надо было быстро добраться до дороги, а путь к ней по прямой — три с лишним километра. Мы бросили рюкзаки, лишнюю одежду и с одним оружием и боеприпасами по глубокому снегу побежали к дороге. Не каждый человек способен выдержать такую нагрузку.

Двадцать минут шла схватка. Мы разгромили штаб зенитного полка и караульную роту, захватили пленных и всю штабную документацию.

На побережье поднялась тревога. К месту боя потянулись немецкие подкрепления, и нам вновь пришлось по глубокому снегу, с пленными и большим грузом добираться до берега. На своих маленьких лодчонках, почти вплавь мы наконец достигли катеров.

Гитлеровцы писали потом в своих сводках, что русские высадили крупный десант, но «доблестными войсками фюрера десант был частично уничтожен, частично сброшен в море». Фактически же в бою участвовали тридцать три разведчика, и все они благополучно вернулись на базу.

Пока возвращались, остаток ночи и все утро следующего дня море штормило. Мы скалывали лед с надстроек и палубы, вычерпывали воду ведрами, а ведь мы были полураздеты, так как вся одежда осталась на побережье. Около двенадцати часов вернулись домой, а через час уже участвовали в соревнованиях — в лыжной эстафете, и одна из наших команд заняла первое место. Не потому, что у нас собрались лучшие лыжники флота — в других командах тоже были

отличные спортсмены, а потому, что общая физическая подготовка разведчиков, их воля к победе были очень высокими. Мы умели в любых условиях бороться до последнего дыхания.

Таким людям никакой противник не страшен. Мы тоже боялись, но боялись не врагов, а того, что нас могут обнаружить раньше времени и открыть огонь. Но если мы добирались до врага вплотную, то были уверены, что самое большее, на что способен враг, — защищаться. Это укрепляло нашу волю, и мы действовали уверенно.

Исключительную физическую выносливость продемонстрировали разведчики нашего отряда в период

Разведчики 181-го разведотряда В.Е. Кашутин и В.Н. Леонов (справа), 1944 г.

освобождения Северной Норвегии. Нам нужно было разведать обстановку в районе того же города Вадсе, на полуострове Варангер. Для выполнения задания предусматривалось выбросить группу разведчиков в глубине полуострова для уточнения общей обстановки, а через сутки высадить с торпедных катеров часть отряда в районе мыса Комогвер, куда к тому времени должны были подойти и парашютисты.

Нам не везло с погодой. Был сильный ветер, и разведчики-парашютисты сильно побились. Они даже не сумели собраться все вместе. Три разведчика добрались до Вадсе, а потом, не имея связи, перебрались в Кирке-нес, уже освобожденный нашими войсками, и оттуда мы получили их сообщение. От другой части группы мы получили радиограмму, вернее несколько слов, из которых стало ясно, что они в неважном положении, и рация работу прекратила. Нужно было немедленно идти на поиски.

Мы высадились уже через двое суток в намеченном районе и направились к району приземления парашютистов. До этого района от Комогвера примерно тридцать пять километров, без дорог, по сопкам и болотам — маршрут очень тяжелый. На переход у нас ушло часов шесть, а остаток светлого времени мы затратили на поиск разведчиков. Только в сумерках нам удалось обнаружить основную группу, за исключением командира группы капитана третьего ранга Лобанова.

С рассветом разведчики продолжали поиск. Лишь около пятнадцати часов удалось найти Лобанова, но он был мертв. Лобанова похоронили на норвежской земле с воинскими почестями, а в семнадцать часов взяли курс к Комогверу. Туда мы прибыли через шесть часов. Нас очень тепло встретили местные жители, угощали сигаретами, молоком, приглашали в свои дома. Я дал указание разместить разведчиков на отдых, но в 23.40 получил радиограмму от командующего флотом адмирала Головки, в которой говорилось: «В 12.00 доложить обстановку в районе Варде».

От Комогвера до Варде больше 70 километров, и пройти их нужно за 12 часов. Отдых пришлось отменить. Путь туда лежал по прибрежной дороге с большим количеством мелких, но бурных речушек, которые приходилось форсировать вброд — мосты фашисты взорвали. Мы миновали много населенных пунктов, где нас тепло встречали норвежцы, просили остановиться, предлагали уго-

щение, но мы, голодные, уставшие, отказывались от их гостеприимства и упорно шли вперед.

Часам к десяти мы добрались до укрепленного района Киберг, рассчитывая вступить здесь в бой с фашистским гарнизоном. Однако фашисты отступили из Киберга без боя.

Следом за нами шла группа молодых норвежцев, которая увеличивалась в каждом населенном пункте. Но быстрее, чем мы шли, бежали слухи о нашем появлении на полуострове Варангер. И эти слухи, которые бежали впереди нас, в каждом населенном пункте обрастая новыми легендами, увеличивали состав нашего отряда. В районе Киберга нас уже именовали «бригадой черных дьяволов», и враги отступали еще до нашего подхода.

Город Варде расположен на острове, отделенном от материка узким проливом. Гарнизон Киберга отступил к этому проливу, и нам было очень трудно добраться до этого района. Норвежцы, которые были связаны с патриотическими силами города Варде, сообщили, что фашисты готовят город к взрыву, и просили нас помочь спасти город. Мы взяли у норвежцев большой мотобот и вышли в море. Высадка на остров была произведена со стороны моря. Здесь нас никто не ожидал. Как только мы начали движение к городу, создав на страх врагам приличный шум, фашистские вояки, до которых уже дошел слух о «черных дьяволах», бежали на материк. Город оказался в наших руках.

Ровно в двенадцать часов командующий флотом получил радиограмму, в которой говорилось, что наше место — город Варде. Адмирал Головкин посчитал, что в радиограмме допущена ошибка, он не мог поверить, что за этот сравнительно короткий промежуток времени мы сумели не только добраться до города, но и занять его. Адмирал приказал повторить радиограмму. Лишь после второй, более подробной, он тепло поздравил нас с большим боевым успехом.

Прошло пятьдесят пять часов с момента нашей высадки до прихода в Варде. За это время каждый разведчик под дождем и снегом прошел около двухсот километров, причем большую часть пути по сопкам и болотам, имея за плечами груз не менее двадцати пяти килограммов, а ведь это очень большая нагрузка, но разведчики выдержали. Такой физической выносливости, такой воле могут позавидовать и спортсмены в ранге чемпионов.

...Суровым заполярным вечером маленький катер пробирался в тыл врага. Тяжелые волны Баренцева моря бросали его, как легкую скорлупку, и морякам с большим трудом удавалось удерживать корабль вблизи каменистого берега, кишевшего фашистами. Наконец, выбрав наиболее подходящий момент, командир скомандовал: «Подать сходню».

Два торпедных катера под командованием капитан-лейтенанта Александра Осиповича Шабалина вышли в море с задачей высадить разведчиков в Северной Норвегии. Неожиданно катера встретились в море с конвоем противника. Как и надлежит поступать в таком случае, катера пошли в атаку. Транспорт, идущие в конвое, хорошо охранялись. Помимо крупных кораблей в охране было много катеров-охотников, которые имели примерно равный ход с нашими, а вооружение — гораздо мощнее.

Несколько раз выходили торпедные катера в атаку, но успеха не имели. Сплошной стеной на их курсе появились охотники врага. Ветер трепал черные косицы дымовых завес, поставленных и нами, и фашистами. Нередко, выскакивая из дыма, противники оказывались друг от друга на расстоянии не более пятидесяти метров... Казалось, пробиться к транспортам и крупным боевым кораблям и атаковать их совершенно невозможно.

Разведчики находились в кубрике, на верхней палубе был только я. Вдруг меня вызвали в кубрик, и ребята спросили: «Что творится наверху?» Я проинформировал их о ходе боя, и тут краснофлотец Федор Падерин заявил:

— Товарищ командир, а если нас выпустить на палубу? Мы, пожалуй, на таком расстоянии задавим артиллерию фашистских охотников!

Предложение было заманчивым. Орудия на катерах-охотниках стояли открыто на палубе, и сами артиллеристы были беззащитны.

Шабалин не сразу согласился на такую помощь разведчиков.

— У них очень сильное оружие, они уничтожат нас всех на палубе, — сомневался командир.

— Товарищ капитан-лейтенант, — смело вступил в разговор старшина второй статьи Саша Манин, один из разведчиков, которых я взял с собой из кубрика на палубу, — да мы сметем их всех с верхней палубы как метлой, если вы сумеете сблизиться с каким-либо охотником метров на сто.

— Ну что ж, — согласился Шабалин. — Добро!

Катер вновь пошел в атаку. Разведчики мгновенно оказались на палубе. Они стояли на коленях, пока мы шли в дыму, готовые открыть огонь с того борта, откуда появится корабль врага. Как только мы вышли на чистую воду, то буквально нос к носу сошлись с противником. Расстояние между катерами было не более семидесяти метров. Фашист пытался лечь на курс, параллельный курсу нашего корабля. Но не успел он выполнить маневра, а артиллеристы развернуть орудия в нашу сторону, как застрочили автоматы и пулеметы разведчиков. Со второго катера, который шел нам в кильватер, разведчики, поняв наш маневр, через несколько секунд тоже открыли ураганный огонь. С палубы фашистского охотника действительно все было сметено как метлой.

Досталось и мостику. Вероятно, был убит рулевой, и катер резко покотился влево. В это время из дыма выскочил второй его собрат и, не успев сманеврировать, наскочил на подбитый корабль. В охране конвоя образовалась брешь. Даже не открывая огня, Шабалин скомандовал: «Строем — уступ, через дымовую завесу—в атаку».

Когда катера прошли полосу дыма и оказались на чистой воде, весь конвой был как на ладони. Фашистские боевые корабли, развивая максимальный ход, устремились навстречу двум маленьким торпедным катерам. Но было поздно. Четыре торпеды уже шли к цели, а наши торпедные катера скрылись в дымовой завесе. Атака была красивой, четкой. Баренцево море навечно похоронило большой транспорт и миноносец врага.

Конечно, и сами торпедные катера были сильно потрепаны. Не обошлось и без жертв. Из разведчиков погиб Федор Падерин, тот самый, который предложил в морском бою использовать оружие разведчиков. Выжимая последние возможности, преследуемые морскими охотниками врага, наши корабли тянули, как могли, на свою базу — на Рыбачий и дошли под прикрытием наших береговых батарей. Дальше преследовать противник побоялся.

Мы искренне радовались победе, одержанной в очень трудном морском бою, и переживали потерю прекрасных боевых товарищей.

Наша победа была рождена патриотизмом воинов, их готовностью отдать свою жизнь за Родину, за победу, войсковым товари-

ществом, дисциплинированностью, творчеством, умением мастерски владеть своим оружием, а также железной волей.

Мы видели, как важна в бою широкая инициатива. Не менее важное значение имеет и находчивость воинов. Приведу интересный пример из практики летчиков-североморцев.

...Самолет-торпедоносец, израненный, без боезапаса, возвращался после выполнения боевого задания на свой аэродром. Уже на подходе к нашей территории он встретился с истребителем врага. Фашист пошел в атаку. Но провел ее неуверенно, вероятно, сам побаивался огня торпедоносца. Успеха он не имел, но понял, что торпедоносец огня не откроет. Некоторое время на большой скорости он кружил вокруг нашего самолета, а потом ринулся в решительную атаку. В это время стрелок-радист, имея у себя две или три ракеты, начал палить из них ракетами в фашиста. Тот не выдержал. Не поняв, что за оружие использует советский самолет, он свечой ушел вверх. Наш самолет прижался к воде, дотянул до зоны действия своих зенитных батарей и вскоре благополучно сел на свой аэродром.

Если в бою из ста шансов есть хотя бы один, обещающий тебе успех, нужно бороться за этот шанс до последнего дыхания. Если у тебя есть все качества, нужные для боя, и если ты избежал ошибок в своих действиях, то ты сумеешь использовать его и добьешься успеха. Для этого, безусловно, нужна несокрушимая воля.

...Корея. Только что закончился бой. Мы вышли за населенный пункт на сопку, разместили раненых у жителей корейской деревни. Решили немного отдохнуть. На товарищей моих было тяжело смотреть. Под палящими лучами солнца, в непрерывных атаках, схватках, маневрах — нагрузка адская. Чтобы снять физическую и нервно-психическую нагрузку, пришлось заняться анекдотами, и вдруг встает наш секретарь партийного бюро сержант Козлов и заявляет:

— Вы все смеетесь, а никто не подумает, где бы переодеться сейчас.

— Чего это тебе приспичило? — спросил его Колесов.

— Не догадываешься? — вставил Барышев. — Человек в гости собрался.

— В гости, — улыбнулся Козлов, — посмотрите на меня...

Быстрым движением он скрестил руки на груди, и рубашка лопнула на спине, как простая бумага, — настолько густо она была про-

питана солью. Мы осмотрелись, оказалось, все разведчики стояли в изодранных рубахах. Громкий смех вернул нас к действительности.

— Да, — заявил Иван Иванович Гузненков, — вид у нас, братцы, далеко не свадебный. Но где же взять нам обмундирование?..

Вскоре мы получили радиogramму с приказанием очистить рыбный порт и обеспечить высадку бригады морской пехоты. И снова атака, снова бой. Мы ворвались в город. С невероятным трудом пробились к металлургическому заводу, который находился рядом с портом, но дальше продвигаться уже не могли. Враг лавиной лез на завод. Сдерживать натиск было почти невозможно. Но мы держались. Потому что было надо. Это слово всегда руководило нашими действиями и боевыми поступками.

Вдруг в залив вошли наш фрегат и тральщик. Старшина первой статьи Семен Агафонов, бывший кок с подводной лодки Щ-401, забрался на крышу завода и по семафору попросил проложить нам огневую улицу от завода до порта. Мы шли среди разрывов и горящих домов до самого моря. А там опять атаки, схватки, опять тяжелое испытание. И все-таки мы очистили порт, подготовили плацдарм. Ночь была страшной. Японцы били со всех сопков, окружавших порт, из всего своего оружия. Но мы выдержали до рассвета, когда подошла наша бригада морской пехоты.

Потом мы сидели на причале и блаженно дремали. Кое-кто не мог от перенапряжения спать — такие перешучивались. В это время корейцы привезли наших раненых, которым они оказали максимально возможную помощь. Краснофлотцы весело улыбались, довольные корейским гостеприимством.

Я сидел и думал, какое большое, просто непомерное испытание выдержали ребята, а скажи им сейчас, что враг перешел в наступление и нужно идти в атаку, — пойдут! Пойдут и не дрогнут. И сил хватит, и духа. Вдруг я услышал голос:

— Товарищи, где мне найти Леонова? Я ответил не оборачиваясь:

— Он ушел в увольнение, часа через два-три будет.

— Я серьезно спрашиваю, товарищ солдат, — повторил тот же голос.

— А я серьезно отвечаю. Ушел на свидание.

Человек долго молчал, а потом вдруг во всю мощь своих легких заорал:

— Виктор, это ты, бродяга? В какую ты дрянь вырядился! Да тебя мать родная не узнает!..

Я открыл глаза. Передо мной стоял капитан-лейтенант Владимир Михайлин, командир фрегата, мой друг по Северному флоту. Когда мы перестали тискать друг друга, я сказал, извиняясь:

— Прости, Володя, видно, я просто устал...

— Вставай, вставай! Пойдем на корабль скорее. Мы тебя там накормим, напоим, отмоем, переоденем. О боже мой, на кого ж ты похож в своей хламиде. И орлов своих немедленно переправляй на корабль. Мне приказано доставить вас во Владивосток.

Позже, уже на корабле, он спросил меня:

— Скажи, друг, трудно было?

— Выдержали, — ответил я сквозь сон.

А что скажешь... Действительно выдержали. Но какой ценой?

Как-то я беседовал с Героем Советского Союза полковником Губановым, командиром истребительного авиаполка Северного флота. Он рассказал мне об одном воздушном бое, длившемся около двух часов. Его друг — летчик-богатырь — не смог вылезти из самолета, когда приземлился. Врачи проверили его, и что же? За эти два часа он потерял в весе восемь килограммов! А сколько теряли наши ребята за один только бой? Как там, в Корее? Не знаю. Много. Но выдержали!

Теперь можно иногда услышать, что в атомный век физические силы не ценятся — все делает техника. Война, дескать, если ее развяжут империалисты, будет кнопочная. А для решения таких задач, мол, голова нужна, а не мускулы. Что ж, голова — хорошо, и техника, и кнопки — тоже хорошо, но у нас говорят: «Прежде чем кнопку нажмешь — пять раз тельняшку выжмешь». Скажу прямо: есть основания так считать. С ростом техники увеличивается быстрота действий человека, требуется мгновенная реакция на быстро меняющиеся события, на показания приборов. Попробуй выдержи, если ты слаб! Нет, не устарели и в наш атомный век слова простого, но мудрого изречения: «В здоровом теле — здоровый дух».

«НЕТ УЗ СВЯТЕЕ ТОВАРИЩЕСТВА»

Самым страшным днем в моей боевой биографии был день 29 июля 1941 года. Наш отряд должен был разгромить опорный пункт врага на мысе Пикшуев и обязательно захватить пленных. Особая группа разведчиков, в которую входил и я, под командованием старшего лейтенанта Клименко уходила в район населенного пункта Титовка с целью задержать помощь, которую противник, безусловно, должен был послать из крупной базы Титовка своему гарнизону на опорный пункт Пикшуев.

Мы торопились, поскольку у нашего отряда был более длинный путь. На пути к Титовке попадались наблюдательные посты, мелкие заставы да и просто патрули врага. Иногда нас обнаруживали, приходилось вступать в схватки. В одной из таких схваток я был ранен, автоматная очередь прошла ступню правой ноги. Группа еще не выполнила задания и должна была продолжать путь, а я остался один. Нет, товарищи меня не бросили, просто я заявил, что в состоянии один добраться до Пикшуева, к основной части отряда, и никто не знал, в том числе и я, что в ступне три перелома.

Шел я медленно, выбирая наиболее ровный путь, используя винтовку как костыль, аккуратно ставил пятку раненой ноги на землю. Но сопки, камни, канавы, кусты — это не асфальт, и я невольно иногда цеплял за что-то ступней. Казалось, что в этот момент нога попадала в кипяток, а в мозгу проскакивал заряд тока. Была такая страшная боль, от которой кружилась голова. Все мысли мои были сосредоточены на том, как бы меньше тревожить больную ступню.

Но человек привыкает ко всему, и к боли тоже. Видимо, привык немного и я. Уже не такой резкой казалась боль, она стала ноющей, терпимой, я почувствовал облегчение, стал внимательней присматриваться к местности. И вдруг неожиданный треск, как будто сломали сухую ветку. Я вздрогнул, присел, осмотрелся кругом, но все было тихо. Тогда появилась первая мысль: «Ведь я один, враги уже обнаружили меня, следят и готовы схватить...» Стало страшно, это начало давить на мою психику так, что я забыл о боли. Показалось, что сбился с пути; каждый шорох, каждый далекий выстрел заставлял вздрагивать, нервы были напряжены до предела. Но я все же

шел вперед. Наконец, выбрав подходящее место, остановился, передохнул, осмотрелся, нашел знакомые ориентиры и понял, что осталось преодолеть последнюю сопку, а за ней — Пикшуев. Ведь там еще один перевал, но на этом перевале должны быть радисты с охранением. Там свои.

Я поднялся с земли и внимательно осмотрелся, выискивая путь через сопку полегче, как вдруг заметил, что на сопке стоят какие-то серые фигуры. Они наблюдают за мной, шевелятся, а я стою во весь рост. Я бросился на землю, забыв о раненой ноге, скатился в канаву. Холодный пот выступил на лбу, во рту стало сухо, и тут же появилась мысль: «Погиб...» Я уже был уверен, что егеря бегут ко мне с сопки и вот-вот появятся рядом. Нужно готовиться к бою, а у меня винтовка, тридцать патронов, всего одна граната. Кто прикроет спину, кто поможет?

Но время шло, враги не появлялись, все было тихо. Я пополз в сторону, зная, что там маленькая сопка, обогнув которую, я сумею проскочить на Пикшуев незамеченным. Теперь путь удлинился на три-четыре километра, но зато так было безопаснее. Когда я вылез из лощины и взглянул на эту маленькую сопку, то вновь увидел серые фигуры... Они двигались, махали руками, показывали на меня. В страхе я вновь скатился в лощину.

Я ползал между сопок, метался, искал проходы, но всюду наткался на заслоны из серых фигур. Силы покидали меня, голова кружилась, хотелось лечь на землю и ждать конца. В отчаянии закрыл глаза. Много мыслей пролетело в мозгу, но навязчивее всех была одна: «Погиб, выхода нет, что делать?»

Действительно, выхода найти я не мог и решил, что если уж погибать, так с музыкой. Решил добраться до вершины сопки и дать врагам свой последний бой. От камня к камню полз я кверху, но вершины не видел, ибо опасался поднять голову, не желая, чтобы меня обнаружили раньше, чем я доберусь до врагов, но зато был уверен, что и они не видят меня. В сознании затеплилась надежда, что, если сумею как следует «угостить» егерей, то, возможно, и перескочу через сопку, уйду и доберусь до Пикшуева. Эта надежда взбадривала меня, придавала сил, и я, сжимая в руке готовую к броску гранату, упорно продвигался вперед. Конечно, это легко сказать «вперед», я полз, то и дело цепляя разбитой ступней за кусты и камни, морщился от боли, скрипел зубами, но отступить от приня-

того решения не собирался. Наконец вот она — вершина! Ищу врагов, готовый обрушить на них всю мощь своего весьма ограниченного огня. Но врагов нет, тишина, и только большие серые валуны, разбросанные по вершине сопки... Я упал в изнеможении на холодный гранит и просто заплакал, поняв, что одиночество породило у меня галлюцинации. Действительно, у страха глаза велики. Больно, обидно, что столько сил и времени потрачено зря.

Поверив в благополучный исход перехода, пошел смелее и уже мало смотрел по сторонам. Вскоре добрался до горного перевала. Там были радисты, там была наша переводчица и военный фельдшер Ольга Параева.

Она перевязала мне ногу, и с ней мы отправились догонять отряд.

Бой на опорном пункте начался, когда мы находились метрах в семистах от него. Ольга побежала быстрее, я ковылял сзади и видел, как под пулеметным огнем поднялся старший лейтенант Георгий Лебедев и бросился вперед, но упал, сраженный пулей врага. Мгновенно рядом с Лебедевым оказалась Ольга. Она подняла его голову, увидела прямое попадание в лоб, бережно положила голову на землю, встала во весь рост и, бледная, взволнованная, крикнула: «Ребята, погиб Георгий!.. Ребята!» И, больше не сказав ничего, бросилась к фашистским пулеметам. Мгновенно все разведчики во главе с Добротиним, руководителем всей операции, ринулись в атаку. Опорный пункт был разгромлен, захвачены пленные, но схватка была жестокой. Там свистели пули, рвались гранаты, там было страшно, там смерть была ближе, чем во время моего перехода к Пикшуеву. Но там были друзья, товарищи, там была уверенность, что тебя поддержат, выручат, и это снимало чувство страха. В атаке за опорный пункт действовал спаянный коллектив, а одному, без товарищей, очень тяжело. Одиночество страшнее смертельной опасности.

...Ольга, которая только что бесстрашно дралась с врагом, уже превратилась в заботливого «доктора». Она хлопотала возле раненых. Всю ночь перевязывала их, накладывала лубки, останавливала кровь, поила водой, не отходя от тех, кто был в тяжелом состоянии, до утра боролась девушка за жизнь боевых товарищей. А с рассветом, когда, подтянув резервы, фашистские егеря перешли в контратаку, она снова взяла в руки оружие и разила их, помогая

товарищам удерживать опорный пункт.

Мы держались уверенно, но вскоре получили приказ отойти к побережью, где нас ожидали корабли. Раненых и пленных забрал морской охотник и ушел вперед. Отряд на мотоботах еще шел по Мотовскому заливу, когда четыре «мессера» неожиданно выскочили из-за сопки и атаковали почти беззащитные корабли. Появились убитые и раненые, майору Добротину пули угодили в обе ноги. Ольга поддерживала его у борта. Изрешеченный бот начал тонуть.

— Прыгайте, быстрее прыгайте, товарищ майор, иначе вас затянет водоворот! — кричала Ольга.

— Нет, дорогая, я уже не пловец, — отрешенно ответил майор.
— Прыгайте все и быстрее к берегу! Ну, Ольга...

— Не могу оставить вас, давайте вместе, — со стоном вырвалось у девушки. — Доберемся как-нибудь...

— Я приказываю, прыгайте! — резко крикнул Добротин.

Тогда Ольга, собравшись с силами, столкнула майора за борт и прыгнула сама. Бот затонул. «Мессеры» перенесли огонь на пловцов, устремившихся к берегу. Под огнем врага, ныряя сама и погружая в воду майора, самоотверженно боролась Ольга за свою и его жизнь. Наконец она, смертельно уставшая, с трудом вытащила Добротина на берег, перевязала ему простреленные ноги и немедленно занялась другими ранеными. Откуда только брались у нее силы!..

Словом, в госпитале после этого похода нас набралось много. Мы ежедневно собирались в палате у майора Добротина и заводили немыслимые споры обо всем на свете. Но, безусловно, речь больше шла о войне, об отряде и товарищах, погибших и живых.

Как-то в разгар спора старшина второй статьи Степан Мотовилин решительно заявил:

— Все же, что ни говори, а война — дело мужское. Чего стоят одни только боевые походы! Страшнее всего терять друзей. Ей-ей, так и хочется зарыдать, когда видишь, как уходит из жизни твой боевой, а значит, самый надежный друг...

— А как же Ольга! — возразил Алексей Радышевцев.

— Что Ольга?.. Конечно, в бою она проявила себя отлично, да надолго ли? Женщину в любую минуту могут подвести нервы.

Мотовилин хотел сказать еще что-то, но, заметив, что все улыбаются и смотрят чуть в сторону, взглянул туда же... За его спиной

стояла Ольга. Она тихо вошла в палату и спокойно прислушивалась к нашему разговору. Смущение было общее. Мотовилин быстро вскочил и предложил Ольге стул. Кивнув всем головой в знак приветствия, она спокойно села.

Майор, умышленно не замечая, что все притихли, сказал:

— Вы утверждаете, будто хорошо воевать могут только мужчины, война, мол, штука тяжелая, опасная и, прямо скажем, страшная. Каждый день, каждый час нужны крепкие нервы и сильная воля, то есть мужские качества. Трудно не согласиться. Но ведь воля-то обретается в борьбе, даже в песне об этом поется. Война... А с какой целью человек в войну вступил? Скажи, пожалуйста, Ольга, этим больным разведчикам, — обратился майор к Параевой, — зачем ты в отряд шла.

Не ожидавшая такого вопроса, Ольга, хотя и покраснела, ответила рассудительно:

— Я очень жизнь люблю, детей люблю, Родину люблю. Хочу счастливой быть. А фашист мне не позволяет. Вот и буду с ним до победы бороться. В отряд пришла потому, что считаю — именно здесь могу больше всего принести пользы Родине.

— Вот на чем стоит воля! — подхватил майор. — Оля — настоящая патриотка. Такая никогда не дрогнет. Уверяю вас: Оля сумеет воспитать в себе все качества, необходимые на войне настоящему воину. Возможно, мы и не взяли бы Ольгу в отряд — она «не показала» нам. Но хорошо знает финский язык, пришлось выбрать ее. Как видите, мы не ошиблись. Первый экзамен на мужество она сдала отлично.

Нашу беседу слушали многие раненые. Подошел и лечащий врач. Улучив минуту, он спросил Ольгу:

— Мы с коллегами заинтересовались вашей работой.

Очень грамотные перевязки, не всякий медик сумеет сделать их в полевых условиях. Где вы учились?

— Готовилась к войне. Закончила одни курсы, потом вторые. Осоавиахим все дал, — улыбнувшись, ответила Ольга.

Может, покажется странным, но эти госпитальные беседы выкристаллизовали впоследствии мерку отбора разведчиков в отряд. Не сразу, конечно. Определенная система проверки людей сложилась в долгих поисках, которые не были свободны от ошибок и даже казусов.

Вот об этих нелегких временах я и хочу рассказать подробнее.

Майор Добротин в отряд не вернулся. Нагрузки, которые приходилось выдерживать нашему отряду в сопках Заполярья, ему после ранения ног были непосильны. К руководству отрядом пришли другие люди, не отличавшиеся избытком военного опыта.

Помню середину весны 1942 года. Наше командование приняло попытку разгромить одну немецко-фашистскую группировку на мурманском направлении. Вместе с другими войсками должна была нанести удар по врагу бригада морской пехоты. Отряду предстояло обеспечить ее высадку — прорвать оборону врага и молниеносной атакой захватить господствующую высоту, закрепиться на ней, тем самым сковать силы противника, оттянув их с побережья на себя.

Высаживались ночью с боем. Наши корабли обстреливали побережье, фашисты били и по кораблям, и по месту высадки. Однако все обошлось сравнительно благополучно. Отряд быстро продвигался к намеченной для захвата высоте.

Я командовал группой. Мы высаживались первыми с основной задачей — прикрыть движение отряда. Противник, не сумев задержать отряд у побережья, организовал яростное преследование. Ночью нам было легче. Маневрируя огнем с разных позиций, мы создали видимость, что нас много, и враг осторожничал. Зато днем стало хуже. Обнаружив свою ошибку, преследователи решительно бросились в атаку.

Проскочив одну долину и взобравшись на гребень, мы решили как можно дальше запереть егерей внизу, тем самым дать возможность отряду оторваться. И тут я увидел поразительную картину. Еле шагает, далеко отстав от ядра отряда, разведчик Павел Барышев. На шее автомат, на плече винтовка, на руках же, почти не шевеля ногами, висит его сосед Бабилов. Я догнал их и с тревогой спросил:

— Павел, что, ранен?

— Да нет, идти сил нету, — со злостью ответил Барышев. — А командир приказал не оставлять его. В крайнем случае вы поможете.

— Нет, Паша, — твердо ответил я, — мы не поможем. Видишь, егеря уже спускаются в долину. Сейчас мы огнем прижмем их к земле — пусть на брюхе переползают долину. Потом станем бегом догонять отряд. Видишь, ребята уже поднимаются на высоту. По-

этому оставь его.

— А командир?..

— Здесь я командир. Приказываю оставить! Бегом догоняй отряд и доложи командиру обстановку.

Как только Барышев повернулся к высоте, Бабилов завопил:

— Паша, не оставляй меня... Я сам пойду...

Егеря были уже близко, и я поспешил занять свое место в группе. Но успел заметить, что Бабилов резко рванулся вперед и вскоре даже обогнал Барышева.

Свою задачу группа выполнила, и мы присоединились к отряду, уже оседлавшему высоту.

Барышев, конечно, не доложил командиру о том, что ему пришлось тащить на себе Бабилова — тот умудрился прибежать на сопку первым, и едва ли кто-нибудь поверил бы разведчику. Это меня страшно возмутило, и я обо всем поведал Николаю Аркадьевичу Инзарцеву, нашему командиру. Тот приказал позвать Бабилова. Разведчик явился бодрый, веселый, хотел отрапортовать командиру, но, увидев меня, стухевался.

— Вы что ж, товарищ Бабилов, решили испытать Барышева на прочность? — строго спросил Инзарцев.

— Нет, товарищ командир, я плохо себя чувствовал...

— А потом?

— Потом стало лучше.

— Настолько, что вы опередили измотанного Барышева? Вы зачем пришли в отряд?

— Воевать, товарищ командир, — пролепетал Бабилов.

— На чужих плечах?.. Так не воюют. Родину надо защищать собственной грудью. Как Барышев, как другие разведчики. Ладно, идите на место. Договорим потом.

Положение отряда в окружении все осложнялось и стало критическим. В этот момент командир приказал мне и еще двум разведчикам проскочить через окружение, добраться до ближайшего батальона морской пехоты и попросить помощи. Используя один из частых снежных зарядов, мы двинулись вперед. Видимости — никакой.

Задачу, которая стояла перед отрядом, мы выполнили полностью. Отряд вернулся на базу. Были у нас раненые, были обмороженные. Но не было больше трусов.

Поскольку многие разведчики сильно пострадали в этом походе и уже не способны были выполнять задачи в тылу врага, предстоял отбор солидного пополнения. Встал вопрос: кого же брать в отряд? Совершенно четко прояснилось одно — хорошо работать в тылу врага могут только люди, обладающие прежде всего сильной волей. Пришлось задуматься: откуда взять таких? И вообще, из чего складывается воля?

Этот вопрос обсуждался не только в отряде, им вплотную занимался военный совет, но пока что единых критериев не было. Первой ласточкой было предоставление отряду большей «автономии» в кадровом вопросе. В приказе командующего флотом так и говорилось: «Право подбора разведчиков отряда возлагаю на командира отряда». Но чтобы благоприятная возможность превратилась в действительность, как мы вскоре убедились, комплектовать отряд людьми, именно такими, какие нам нужны, можно только в одном случае: если мы будем готовить их сами. А ответ на вопрос: «Какие качества надо воспитывать у разведчиков?» — впервую голову дала сама жизнь.

В походе на мыс Могильный мы, пожалуй, впервые убедились, каким должен быть наш боевой разведчик. На самом мысе дрались всего пятнадцать человек, когда вместе с батальоном отошла большая часть отряда во главе со старшим лейтенантом Фроловым. Но три разведчика — командир группы старшина первой статьи Александр Никандров, краснофлотцы Горшков и Панов — не сумели пробиться на Могильный к тем пятнадцати и остались в сопках на подступах к мысу. Когда Панов предложил отходить, чтобы не отстать от отряда, Никандров решительно отверг спасительную идею:

— Нет! Там, на Могильном, дерутся наши братья. Они еще живы, и мы обязаны помочь им. Погибнут они — погибнем и мы, но отомстим за них.

Я оставался в числе пятнадцати и видел, как они помогали нам. Постоянно меняя место, били егерей, атакующих нас с перешейка в спину. Кончился боезапас — они отнимали у врагов оружие и искусно использовали его. Отошли лишь тогда, когда мы, восемь оставшихся в живых, израненных разведчиков, вырвались наконец с мыса Могильного, и вместе с нами вернулись на базу.

Здесь было над чем поразмыслить! Группа Никандрова имела право отойти вместе с отрядом — никто не посмел бы упрекнуть ее

в этом. Никандров решил остаться. Из чувства дружбы, товарищества? Однако у Никандрова и остальных двоих не было ни родственников, ни близких друзей среди пятнадцати оставшихся на мысе. Они сами потом говорили, что ими двигала любовь к Родине, готовность пожертвовать собой ради счастья родного народа, ненависть к врагу, желание остановить его. Безусловно, они надеялись на свои знания, на свое оружие, на собственную физическую выносливость и дисциплину. Не жажда славы, а стремление выручить боевых друзей, помочь им выполнить главную задачу руководило ими в бою.

Пример Никандрова, впоследствии Героя Советского Союза, еще раз доказал, что главный критерий отбора в отряд — беззаветное чувство любви к Родине, к своему народу и необоримая ненависть к врагу. Такого человека можно было быстро закалить и укрепить физически, научить владеть любым оружием, внушить ему уважение к дисциплине, повиновению, исполнительности...

В дальнейшем мы старались понять, зачем человек просится к нам? Что его влечет? То ли хочет воевать, как воюют лучшие разведчики, то ли тянется к славе? Кому же не приятно, когда ты идешь в морской форме по улице родного города и вся грудь у тебя звенит орденами, а то и Золотыми Звездами блестит? Что ж, желание заслужить орден — похвальное желание. Да вот беда, у многих претендентов складывалось наивное впечатление, что в отряде ордена дают как значки: сходил в поход — и получиай.

Мы брали в отряд только тех, кто понимал, что разведка — это не романтика, а труд. Тяжелый и очень опасный воинский труд. Кто отлично понимал это и жаждал борьбы, кто сознательно шел к нам служить Родине на самом трудном участке борьбы с фашизмом, тот становился настоящим разведчиком, настоящим воином, вступал в семью отряда равноправным братом. Конечно, если у него были и соответствующие морально-боевые качества, влияющие на закалку воли человека.

Вновь возвращаюсь к бою на мысе Могильном. Там для выполнения боевой задачи нам был выделен батальон морской пехоты. Разведгруппа, которой я тогда командовал и которая состояла из семи человек, должна была провести батальон к опорному пункту и первой ворваться в него, чтобы захватить пленных и документы. Остальным группам отряда ставилась задача прикрывать действия батальона.

Морские пехотинцы, недостаточно подготовленные к действиям в горных условиях и слабовато физически закаленные, лишь к рассвету добрались до места назначения. Встреченные артиллерийским и минометным огнем врага, они начали отходить к месту высадки.

Я лежал среди камней. Впереди была долина, за ней — опорный пункт. Притихшие разведчики с напряжением следили за мной, а я ждал сигнала к началу атаки, с болью думая, что мы теряем драгоценное время и можем понести лишние потери. Когда стало ясно, что батальон почему-то застрял (мы еще не знали, что он отходит), решил действовать, уверенный, что нас поддержат если не морские пехотинцы, то остальные наши разведгруппы.

Я не подавал команд, а просто поднялся и рванулся что было сил к вражескому укреплению. Все разведчики группы в ту же секунду бросились вперед. Другие группы нашего отряда тут же пришли на помощь. И задача наша была решена.

Нам нужно было возвращаться, но егеря уже заняли перешеек. Мы могли бы проскочить через их позиции, но у нас на руках был тяжело раненный младший лейтенант Федор Шелавин, командир одной из групп. Мы остались на мысе. Чтобы развязать нам руки, Шелавин пытался застрелиться. Я отобрал у него оружие.

У многих такое решение вызвало недоумение. Кое-кто считал, что для спасения людей и захваченных документов нужно было пожертвовать одним человеком. Но я до сих пор считаю, что поступил правильно. Оставить товарища на расправу врагам означало то, что была бы подорвана вера разведчиков в боевую дружбу, это лишило бы многих решимости, смелости — качеств, без которых нельзя воевать.

У нас в отряде каждый разведчик, отличившийся в бою, признавал, что это заслуга не только его, но и товарищей по оружию. Успех одного человека связывался с общим успехом отряда.

В бою каждый думал о том, как помочь товарищам выполнить поставленную задачу, облегчить их тяжелый ратный труд. Не случайно в народе говорится: «Один в поле не воин». Ведь как бы ни стремился человек отличиться перед другими, подвига он не совершит, если нет настоящей дружбы, полного доверия друг к другу.

Подвиг — дело коллективное, при этом кто лучше других подготовлен, тот и выполняет самую ответственную и самую опасную за-

дачу. Однако чтобы он добился успеха, товарищи должны помогать ему, но они сделают это лишь тогда, когда будут полностью доверять ему. Тогда, рискуя собственной жизнью, они совершат все, чтобы он выполнил свою задачу, тем самым достигая успеха общего дела.

В бою, когда человек принял какое-то ответственное, рискованное решение и начинает его выполнять, считая, что его действия помогут осуществлению общего плана, он будет действовать уверенно, смело только тогда, когда верит в своих товарищей. Когда он знает, что все четко выполняют свои обязанности и готовы в любой момент помочь ему, именно тогда он сможет сосредоточить все свое внимание на необходимых действиях. В этих условиях действия его будут четкими, ошибки минимальны, и как результат — победа.

Если же в части нет настоящего войскового товарищества, нет дружбы, то действия человека в бою, даже принявшего какое-то смелое решение, не могут быть четкими. Действуя, он должен следить за товарищами, смотреть по сторонам, назад, отвлекаться: как они, что делают, помогут ли?

Для старых, повоювавших на своем веку солдат войсковое товарищество — понятие святое и нерушимое. И вдохновенную, как песня, гоголевскую строку «нет уз святее товарищества» многие из них могли бы поставить эпитафией к своим боевым биографиям.

Меня часто спрашивают, каким чудом удалось мне уцелеть в многочисленных и опасных вылазках в тыл врага, какие таланты помогли мне. Неизменно отвечаю, что этим чудом, этим талантом всегда были окружавшие меня верные мои товарищи. Их постоянная готовность защитить, помочь, выручить и моя беспредельная вера в них придавали силы, бодрость, выдержку. Мои друзья — вот кому я обязан высокими наградами и самой жизнью.

Всегда буду помнить урок, который получил от своего подчиненного, разведчика Семена Агафонова. После победы над фашистской Германией меня перевели командиром такого же отряда на Тихоокеанский флот и разрешили взять с собой пятьдесят разведчиков-североморцев. Но желающих оказалось гораздо больше. Отказать кому-либо ехать со мной — значит обидеть... Как быть? Решил поговорить с теми ребятами, кто и воевал много, и наград достаточно имеет, что, мол, пора бы и об отдыхе подумать. Вызываю Семена Агафонова. Как-никак Герой Советского Союза, три ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны... Советую ему гото-

виться к демобилизации. А Семен, наш легендарный разведчик, взглянул на меня так, что стыдно мне стало, и очень спокойно сказал:

— Я прошусь на Дальний Восток потому, что тебя и тех мальчишек из тихоокеанского отряда жалею. Они молодые, пусть не дети наши, а младшие братья, без боевого опыта, а японцы — это коварные, хитрые враги, они и тебе голову снимут, и мальчишек этих уложат много. А если рядом будем мы, знающие, как выполняются самые трудные задачи разведки, пользы больше будет, а главное, этих ребят в живых побольше останется. Им ведь жить надо! Жить, а не погибать. Разве ради славы воюем мы?

САМЫЙ ТРУДНЫЙ ПОДВИГ

Людей инициативных, находчивых уважают, ценят, им доверяют лучшую технику, трудные участки, неизведанные пути, на них надеются.

В годы войны таким поручали самые трудные, самые опасные задачи, и они с честью выполняли их, проявляя инициативу и находчивость.

Но надо подчеркнуть, что чем труднее становится действовать, чем больше усложняется обстановка, тем острее должен работать ум воина. Если он держит в поле своего зрения всю цепь развивающихся событий, то всегда найдет недостающее звено.

В свое время разнеслась молва, будто «Леонов с десятком разведчиков в порту Вонсан создал видимость окружения трех с половиной тысяч японских войск и взял всех в плен». Когда я услышал об этом, мне стало стыдно. Ведь вот как можно извратить конкретный боевой эпизод! Ведь как ни старайся, десять человек никак не сумеют создать видимость окружения трех с половиной тысяч вражеских войск, а потом захватить их в плен.

Да, это был настоящий психологический бой, который решил судьбу японской воинской части.

Расскажу о нем подробнее, ибо он весьма поучителен.

В корейском порту Вонсан был высажен наш десант: около двух тысяч морских пехотинцев. Они заняли часть порта. Японцы же в районе города располагали войсками численностью более десяти тысяч человек.

От боевых действий японцы уклонялись, но и не капитулировали, хотя, как нам было известно, указ о капитуляции японский император уже подписал. Создалась непонятная напряженная ситуация. Чтобы прояснить обстановку, наш разведотряд перешел к активным действиям. Мы разрушили железнодорожное полотно, лишив тем самым японские войска возможности отхода, захватили и отправили на свой корабль офицеров из состава командования гарнизона во главе с начальником гарнизона полковником Тада и командиром военно-морской базы адмиралом Хори. Выяснили план японского командования. Он сводился к тому, чтобы, как только все их войска будут сосредоточены непосредственно у порта,

атаковать и уничтожить десант, захватить наши корабли, стоящие у причалов, и морем уйти в метрополию. Об этом я доложил командиру десанта капитану первого ранга Студеничникову.

— Действовать надо немедленно, — сказал он и отдал приказ нашей разведгруппе принудить к капитуляции гарнизон аэродрома, который находился на другом берегу вонсанской бухты. В гарнизоне этом было больше трех тысяч солдат, а моих разведчиков — всего 140 человек.

До нас на косу, где располагался аэродром, безуспешно пыталась высадиться рота морской пехоты, поэтому мы вышли на торпедных катерах с зачехленным оружием, на малом ходу, делая вид, что никаких агрессивных намерений в отношении аэродрома у нас нет. Нам было хорошо видно, что у причалов аэродрома установлено много пулеметов и безоткатных орудий, однако нас это не смущало. Мы понимали, что первыми японцы огня не откроют — огонь мог быть открыт только по сигналу начальника гарнизона, а он был в наших руках.

Когда до причалов оставалось метров пятьсот, катера дали полный ход, идя на них прямым курсом. Японцы засуетились, забегали у орудий, не понимая наш маневр. А когда до берега осталось совсем немного, головной катер сделал резкий поворот и, почти касаясь бортом причала, стал уходить в море вдоль косы. Этот маневр проделали все восемь катеров!

Здесь требуется небольшое пояснение: катер, идущий полным ходом, тянет за собой приличную волну, и эта волна, при резком повороте, катится прежним курсом, сметая на своем пути все, что плохо закреплено. И вот восемь волн, одна за другой, обрушились на низкий причал. Матросы хохотали, глядя, как японцы барахтаются в воде, цепляясь за что только можно уцепиться, и кричат, размахивая руками.

Мы прошли мимо взлетной полосы, перерезавшей косу поперек. Дальше — пляжные места, отмели — подойти нельзя. На другой стороне косы — цистерны с горючим, склады боезапаса, продовольствия, обмундирования.

Мы высадились на берег. Теперь мы могли действовать в непосредственном расположении противника. Наша оборона была надежной. Впереди ровное летное поле — просто так к нам не подобрешься, за спиной — торпедные катера, и на каждом по восемь крупнокалиберных пулеметов. Что же предпримет противник?

На летном поле появились грузовая и легковая автомашины, направлявшиеся к нам. Из легковой машины вышли пять офицеров, из грузовой два солдата вытащили стулья. Пригласили нас сесть в весьма вежливой форме, с улыбками и поклонами. Сесть мы отказались, и я сразу спросил:

— Когда вы думаете сдаваться?

Старший из офицеров, майор, ответил:

— Я не имею полномочий вести переговоры о капитуляции, такие переговоры нужно вести с начальником аэродрома. Он в штабе и ждет вас.

Как поступить? Отказаться — будет бой, и он обязательно перекинется на борт, а положение нашего десанта тяжелое. Пойти — рискованно, однако смысл есть. Наверняка в ходе переговоров можно найти какой-то выход.

В штаб пошли десять человек, а основной отряд под командованием Героя Советского Союза мичмана Александра Никандрова остался на месте. По дороге к штабу японские офицеры вежливо проинформировали нас о мощности своей обороны. И хотя мы понимали, что это всего лишь психологический шаг, не скрою, захотелось повернуть обратно. Уж лучше бой. Там, по крайней мере, все ясно, а тут неизвестно, что выкинут самураи, когда мы окажемся в штабе... Но не в правилах разведчика менять решение, и, когда доехали до места, я уже твердо знал, что нужно делать.

Двух разведчиков я оставил для связи на улице, а остальные вошли в кабинет начальника аэродрома. Там было десятка два офицеров. Мы вежливо поприветствовали друг друга, сели, переговоры начались. И тут мгновенно пропали улыбки на лицах японских офицеров, а начальник аэродрома, полковник, сурово спросил:

— Где начальник гарнизона и командир базы?

Пришлось пойти на хитрость.

— Точно не знаю, но думаю, что наше командование пригласило их на наш корабль для переговоров о капитуляции.

— Надеюсь, они в безопасности?

— Безусловно, тем, кто добровольно вступает в переговоры, мы зла не причиняем, — спокойно заверил я.

Вопросы сыпались один за другим, и чем дальше, тем больше принимали они провокационный характер. Наконец мне это надоело, и я заявил:

— Мы пришли сюда не с целью спорить о том, у кого больше пушек, а с целью задать вам один-единственный вопрос. — И проскандировал почти по слогам: — Когда вы будете сдаваться в плен?

— Никаких оснований сдаваться у нас нет, — рявкнул полковник, — у нас неравные силы. Пока не вернутся наши начальники, на эту тему разговоров быть не может.

— Жаль, — сочувственно сказал я, — а у вас, между прочим, могут взорваться цистерны с бензином — будет много огня... — И добавил с ехидцей: — Нам-то что, мы на катере уйдем, а что станете делать вы? Может, с собой вас прихватить?

— Этого не будет, — заволновался полковник, — решение принято. Всех вас мы оставим как заложников до возвращения начальства, а войскам своим (это 130 человек) прикажите немедленно очистить аэродром, иначе все они будут уничтожены.

Полковник встал. Мгновенно вскочили все офицеры, пришлось подняться и нам. Я очень спокойно ответил:

— Уничтожить их очень трудно, они умеют хорошо драться.

— Это уже наша забота, — возразил полковник, — а вас прошу сдать оружие и пройти в другую комнату, там удобная мебель, будете отдыхать. Вернется наше начальство, вас отпустят.

«Прошу вас сдать оружие...» Я бы в подобной ситуации не просил бы, а просто приказал разоружить. Почему же он просит? Он просто-напросто боится, боится смерти и знает, что в случае сопротивления каждый из нас прежде всего попытается уничтожить именно его, как самого главного.

Необходимо было доказать полковнику, что он будет уничтожен вместе со своими офицерами, прежде чем мы окажемся заложниками. Я стал говорить, заранее зная, что речи моей японцы не поверят, если товарищи не предъявят им убедительных доказательств. Говорил много и долго, через переводчика, а закончив свою речь, заявил:

— Пожалуй, мы готовы умереть. Но только после вас. Вот вы сейчас сдохнете все как крысы, а мы постараемся вырваться, а если и погибнем, то в бою — это легче, чем быть заложниками и ждать, когда тебя повесят.

Тем временем мой заместитель Иван Гузненков открыл окно, показывая жестом, что тут можно прыгнуть. Андрей Пшеничных подошел к двери, закрыл ее на ключ, положил его в карман. Рядом с

Андреем у двери встал, теперь заслуженный мастер спорта, богатырь Владимир Оляшев. Молодой разведчик, но уже Герой Советского Союза Митя Соколов тихонько проскочил мимо офицеров и встал за спиной полковника. Тот сразу забыл, где у него платок, и стал вытирать пот рукавом. Семен Агафонов демонстративно вытащил гранату и начал легонько, не торопясь, подбрасывать ее, как детский мячик. Японцы нервно закрутили головами — слушая меня, они в то же время старались следить за действиями других разведчиков. При каждой манипуляции Агафонова с гранатой они вздрагивали. В глазах у них был страх. Полковник сразу же сбавил тон и попросил перейти к переговорам.

— Мы согласны оформить решение и объявить его командирам частей, но для этого нам необходимо провести короткое совещание.

— Нет, — ответил я, — бумага у вас есть, чернила тоже, пишете приказ.

— Это будет формальная бумага, мы не сумеем довести ее до подчиненных, — возразил полковник.

— Ничего, — успокоил я его, — как-нибудь осилим эту задачу, был бы только приказ.

Приказ был подписан. Вручил его майору, который все время давал какие-то указания другим офицерам, и сказал:

— В окно видно летное поле. Как только ваши войска построятся там без оружия, а я получу сигнал от своих товарищей, мы вместе выйдем из помещения штаба.

Минут через сорок войска были выстроены, я получил сигнал от Никандрова, и мы вышли на улицу.

Солдаты были построены в колонну по четыре. Получилось слишком длинно. Чтобы не распылять силы конвоя, мы решили перестроить этих вояк по восемь в ряд, но все равно конвоировать эту процессию нам было не под силу. Тогда я приказал полковнику и майору сесть в легковую машину вместе со мной, остальным офицерам, которые были в штабе, в автобус, а войскам под руководством своих командиров и под нашим наблюдением двигаться до пункта назначения. Причем я предупредил, что, если хоть один солдат убежит, первым будет расстрелян полковник, потом майор, а затем и другие... Полковник вынужден был подчиниться. Более того, он сам объявил наше условие своим подчиненным. Таким образом мы и совершили марш к месту назначения.

Все сошло благополучно — сразу же после капитуляции гарнизона аэродрома началась капитуляция всего гарнизона Вонсана.

Итак, мы не создавали видимости окружения трех с половиной тысяч японцев и взятия их в плен. Как видите, в жизни все по-иному, пожалуй, даже проще — были бы рядом верные, надежные друзья.

Однажды мне довелось слушать выступление Ивана Ивановича Гузненкова перед школьниками. В конце ему задали вопрос:

— Вот вы много воевали, много видели, скажите, а испытывали вы настоящий страх?

Гузненков долго думал и ответил так:

— На войне всегда страшно, можно сказать, в обнимку со смертью ходишь. Но самый большой страх я испытал в корейском порту Вонсан, когда мы брали в плен три с половиной тысячи японцев.

Ответ вполне закономерен. В бою человек до некоторой степени подвержен азарту, он считает себя сильнее противника, он надеется победить, верит в поддержку товарищей. Ну а если он должен действовать, рассчитывая каждое слово, каждый шаг, зная, что малейшая ошибка может привести не только к твоей гибели, но к срыву всей операции, к гибели товарищей, находившихся в это время в порту! Эта ответственность, как громадный груз, давит на психику человека, и такую нагрузку может преодолеть только тот, кто имеет несокрушимую волю.

Самым трудным подвигом в жизни человека является его первый подвиг — воспитание воли. Потом, уже умея управлять собой, он смелее, увереннее идет на любой риск, берется за любое самое трудное задание. Разве не прекрасно стать сильным и мужественным человеком, разве это не счастье — знать и любить свою Родину, жить для людей, участвовать в их борьбе за всеобщее процветание и прогресс?!

А разве в сегодняшней мирной жизни мы не стремимся к тому, чтобы рядом с нами жили и работали люди сильные, смелые, решительные, на которых можно положиться в трудную минуту? Безусловно, стремимся, ибо рядом с ними каждый чувствует себя увереннее и смелее.

ТАКИМИ ОНИ БЫЛИ

Михаил Колосов — один из наших разведчиков, простой парень. О нем не скажешь, что богатырь, и спортсменом не назовешь, но смысленный, шустрый и старательный. Ему, как и каждому, кто приходил в отряд, прежде всего нужно было воспитать в себе незаурядную силу воли, выработать те качества, от которых она зависит. Конечно, экзамены мы по всем этим качествам не устраивали, но сама жизнь, боевые походы определяли готовность человека к подвигу. Брали в тыл врага и молодых, малоопытных разведчиков, но им отводилась роль помощников нашим основным «солистам». Только тогда, когда мы убеждались, что человек способен самостоятельно решать боевые задачи в тылу врага, он мог рассчитывать на полное доверие. Колосов упорным трудом очень скоро выработал в себе необходимые разведчику качества. Он отлично прыгал с парашютом, не вздрагивал от неожиданного выстрела или взрыва, в схватках с врагом старался быть впереди. Все было хорошо. Колосов уже и награды имел, а вот такого случая, чтобы полностью развернуться, все не выпадало.

И вот однажды на одной из сопек наш отряд был окружен врагом. Но мы не волновались, так как все было рассчитано, и большой бедой нам это окружение не грозило. Неожиданно егеря сумели в одном месте прорвать нашу оборону. Чтобы сбросить их, пришлось стянуть там почти все наши силы, оставив на других направлениях только наблюдателей. Однако почти одновременно началась атака на противоположном склоне, самом дальнем от места схватки. Там было всего два разведчика, а помощь мы им оказать не можем. Атаку они отбили, но израсходовали весь боезапас. Один тут же побежал доложить обстановку, второй — Михаил Колосов — остался.

Егеря, вероятно, заметили уход одного разведчика, поднялись и устремились на сопку. Колосову нечем стрелять, а задержать врагов нужно. Тогда он поднялся во весь рост, на глазах у егерей забросил свой автомат в кусты, поднял руки и пошел навстречу противнику. Егеря бросились к безоружному разведчику, пытаясь захватить его в плен. Но самый резвый, подбежавший первым к Михаилу, получил такой удар, от которого оказался в глубоком нокауте. Винтовка фашиста оказалась в руках у Колосова, теперь он

вновь вооружен, и, главное, самый опасный момент рукопашной схватки — сближение, когда противник может открыть огонь, им был выигран, да и ударом своим он сумел нагнать на них страху. Но врагов много, они не отступают. Когда, отбив атаку, мы прибежали к месту схватки, Колосов уже получил три удара штыком: в бедро, руку и глаз, но за это время он ухитрился убить восемь фашистских егерей, а остальные только и успевали защищаться от одного израненного разведчика. Я не скажу, что Михаил Колосов был одним из лучших мастеров рукопашного боя, нет, но этот его бой был настоящим подвигом.

Совсем иным был Сергей Бывалов. Мощный, угловатый, с виду неповоротливый — медведь таежный, да и только. Ему и личное оружие определили — пулемет. Бывалов, как и все, кто решил до конца связать свою судьбу с отрядом, упорно трудился, закаляя себя как разведчика. Сергей никогда не ныл, не раскисал, все трудности и опасности переносил спокойно. Но о нем говорили — хороший пулеметчик, и все. Да и где с пулеметом можно отличиться? Другие снимают часовых, дерутся врукопашную, а он только прикрывает действия товарищей своим огнем. Однако Сергей становился заметной фигурой, когда нам приходилось отбивать атаки егерей. Его уверенность, спокойствие хорошо влияли на разведчиков; будто шутя, но не без определенного смысла, они часто поговаривали: «Если Сергей с нами, врагам до нас не добраться, он их к нам не пустит».

Уже на Дальнем Востоке, в корейском городе Сейсин, мы попали в тяжелое положение. Нам предстояло занять один из трех портов Сейсина для обеспечения высадки бригады морской пехоты. Мы действовали решительно и сумели прорваться к центру города. Во многом этому успеху помог пулемет Бывалова. Сергей проявил очень большую активность. То он поддерживает атаку одной группы, и вдруг уже бьет японцев совсем в другом районе, потом в третьем — создалось впечатление, что у нас очень много пулеметов, и японцы дрогнули. А когда поняли, что нас мало, они попытались перейти в атаку, но им помешала наступившая темнота.

С рассветом мы решительно пошли на штурм центра города. Самый тяжелый бой завязался на шоссе на мосту. Японцы бежали на нас толпой. Здесь действовал закон стада. Передние падали от нашего огня, но под давлением массы по их трупам бежали другие.

Дело дошло до рукопашной. Отчаянно труся, самураи часто падали, еще не получив удара, но их место занимали другие. Нам было тяжело. Разведчики, уничтожая врагов, вынуждены были медленно отступать. Положение усложнялось. Если бы японцам удалось вытеснить нас с моста, они бы мгновенно заняли прилегающие к набережной дома, и отряд оказался бы в незавидном положении.

И тут на мосту появился Сергей Бывалов. Он встал во весь рост и в упор, короткими очередями начал расстреливать самураев из своего пулемета. Японцы шарахались от него как от чумы, падали, а он, поливая их свинцом, шел вперед, в самую гущу боя. Разведчики, пользуясь поддержкой его пулемета, стали бросать гранаты в середину толпы, сея панику среди тех, кто еще не видел результата схватки. Сергей стрелял расчетливо, экономя каждый патрон, но все равно боезапас кончился. Оцепеневшие японцы смотрели на Бывалова, ждали и, поняв наконец, что он не может больше стрелять, с дикими криками бросились на него. Тогда Сергей, схватив пулемет за ствол, стал им крушить, как дубинкой, ревущую толпу врагов. Японцы попятились, повернулись и бросились наутек. Атака врага была отбита.

Разведчики такой народ, что, если выпадет несколько минут передышки, они обязательно найдут причину для веселья. Кого-то разыгрывают, кого-то подначат, не обошли они вниманием и Бывалова. К нему подошел Агафонов с ведром воды и сказал:

— На, попей, друг, а то устал, наверное. Работал ты за целое отделение, вот и воды я тебе принес на все отделение, пей, мало будет — еще сбегаю.

— За воду, спасибо, дружище, — улыбаясь, ответил Сергей, — попью, а вот насчет отделения ты зря, простоял я всю войну, по врагу издали стрелял, да еще лежа, силенки-то и накопились, а теперь война к концу, разрядиться нужно было, и вот постарался.

Очень интересным человеком был Володя Фатькин. Исключительно красивый рязанский парень, из культурной, обеспеченной семьи. До войны учился в институте, казалось, что в жизни он не испытывал трудностей. Однако родители его, врачи, понимали, что жизнь для Володи еще только начинается и вся тяжесть борьбы впереди. Они с детства готовили его к этой борьбе, воспитывали нужные качества, закладывали фундамент воли.

Фатькин выгодно отличался от товарищей, с которыми вместе

пришел в отряд. Хорошо физически развит, с достаточным запасом знаний, но был у него один существенный недостаток — он любил рисковать, иногда без должного расчета. Володя, если приходилось участвовать в схватке с врагом, всегда стремился быть впереди товарищей, прокладывая им путь к победе и болезненно переживал, если кто-то обходил его.

Однажды ночью мы пробирались через скалы в Северной Норвегии. На пути попался обрыв. Бегали и в одну, и в другую сторону, а конца обрыва нет, бросали камни, чтобы по звуку определить высоту обрыва, — безрезультатно. Я приказал всем снять рюкзаки и, цепляя их один за другой, спускаться вниз.

Володя, стоявший рядом со мной, вдруг заявил:

— Не надо рюкзаков, я и так определю высоту. Я хорошо знал его и резко ответил:

— Ты лучше отойди, не мешайся под рукой.

— Есть отойти! — крикнул Володя и тут же прыгнул вниз.

Не каждый человек способен на такое. Не зная высоты, не зная, что ожидает его внизу, Володя смог преодолеть себя и прыгнуть в черную бездну. Но все обошлось хорошо, и мы услышали голос Володи:

— Высоковато малость, но снег глубокий, рыхлый, прыгать можно.

Все прыгнули благополучно. Задачу мы выполнили, и пример Фаткина помог нам в этом. Он дал возможность сократить время на преодоление препятствия и увеличить время на подготовку к боевому заданию.

Но на базе у нас с Фаткиным произошел крупный разговор. Я спросил его:

— Когда, наконец, прекратятся твои художества?

Поверь, мне уже наказывать тебя надоело.

— А что, — ответил Володя, — я в интересах всех, в интересах задачи.

— А если бы ты «в интересах задачи» сломал себе ноги, как бы выглядели мы и задача, которую следовало выполнить?

— Я бы немедленно застрелился, чтобы не связывать вас, — решительно заявил он.

— Ты, вероятно, считаешь это героизмом, но учти, — сказал я, — что такие герои мне не подходят. Я не люблю терять людей. Я выгнал

бы тебя прямо сейчас из отряда, но надеюсь, что ты одумаешься, и оставляю. Однако с сегодняшнего дня будешь ходить в походы только рядом со мной. И если я замечу еще какие-либо твои выходы, выгоню из отряда немедленно и, кроме того, прошу запомнить, что я страшно не люблю, когда кто-нибудь суется вперед меня.

На том мы и порешили.

Однажды мы отходили после выполнения задания. Враги преследовали нас, однако активных боевых действий не вели — и у нас, и у них было мало боезапаса. Егеря рассчитывали нанести нам удар у побережья, когда мы будем перебираться на корабли. Но мы раскусили их маневр и рассыпались мелкими группами на широком фронте так, чтобы одна или несколько групп всегда могли угрожать противнику окружением, держа его в напряжении. Неожиданно ударили фашистские пулеметы с левого фланга, я поспешил туда, приказав Фатькину, с которым мы были вместе, отходить пока одному по намеченному маршруту. С пулеметами управились быстро, а когда я вернулся к Фатькину, то увидел, что он стоит без оружия с поднятыми руками, а перед ним два здоровенных егеря с винтовками наперевес на расстоянии штыкового удара. Сначала я ничего не понял. Ведь видел же я Фатькина, когда перед ним появлялось не два, а гораздо больше врагов, но он всегда стремительно атаковал, нанося резкие, смертельные удары, а тут вдруг поднимает руки, когда перед ним только двое.

Нет, Володя их не испугался. У нас иногда говорят, что человек, знающий приемы самбо или еще какой-либо подобной борьбы, легко и просто может разоружить своего противника. Это действительно легко и просто, когда схватка происходит в спортивном зале и невооруженный знает, что если у соперника винтовка, то она с эластичным штыком, если пистолет, то он не заряжен. Поэтому здесь выигрывает тот, кто лучше владеет техникой борьбы. А в бою? Там кто-то должен струсить — это неоспоримый закон войны. Двое вооруженных винтовками против одного без оружия, разве они струсят? Нет. Они знают свое превосходство и будут действовать решительно. Опытный боец без оружия тоже знает, что победить врага нельзя до тех пор, пока он не допустит ошибку. Но этого момента не обязательно ждать. Можно помочь врагу ошибиться. Для этого нужно заставить его думать так, как выгодно тебе, направить его мысли в нужное тебе русло.

Володя не просто стоял с поднятыми руками, он отступал, но отступал к громадной гранитной глыбе. Егеря видели это и, зная, что на нее все равно не забраться, заинтересовались, а что будет делать этот русский парень, когда он упрется спиной в гранит? Они ждали этого момента и не стреляли, чего больше всего боялся Фатькин. И вот идти дальше некуда. Володя изобразил на лице такую растерянность, что фашисты рассмеялись и стали показывать, чтобы он поднял руки выше. Вдруг Володя делает резкое движение вперед, и у егерей мелькает одна мысль: бросается, нужно бить, и оба одновременно делают винтовками резкий выпад. Это была их ошибка, которую Володя сознательно заставил их совершить. Если бы он действительно бросился на врагов в тот момент, он, безусловно, погиб бы, но он не сделал этого. Он заставил их ударить, а сам... Как шахматисты говорят, дальше дело техники. Удары были сильные, враги потянулись за своими винтовками и оказались вплотную с Володей. Винтовка здесь не оружие, а у Володи в руке оказался нож... Это были уже грамотные действия разведчика, где рассчитан каждый шаг, каждое движение. После того боя я назначил Фатькина командиром группы.

Прямой противоположностью Фатькина был разведчик Павел Барышев. Маленький, юркий, с вечно прищуренными глазами, с насмешливой улыбкой, балагур и злоязычник, он не пропускал ни одной ошибки товарищей. Подшутить, разыграть человека было его любимым занятием.

Помню, в одном из дальних походов через, линию фронта лейтенант Федор Шелавин взял его к себе адъютантом. Когда укладывали рюкзаки, а груз был большой, Федор себе отобрал вещи объемом побольше, но полегче, а Барышеву отдал что поменьше, но тяжелее. Получилось, что у Шелавина рюкзак громадный, а у Барышева маленький, но зато вес оказался обратно пропорционален объему. Пашку это не устраивало, и он умудрился для восстановления равновесия подsunуть на дно рюкзака Шелавина два кирпича. Километров тридцать тащил Федор на себе эти кирпичи, все жалуюсь, что рюкзак тяжеловат. Когда же на привале он догадался разобрать поклажу и обнаружил эти кирпичи, то больше получаса бегал с ними по лесу, разыскивая шутника, но тот своевременно скрылся.

Барышев, как и все, испытывал страх перед опасностью. Но если другие умели скрывать этот страх, то Павел и не пытался этого де-

лать. Наибольшую растерянность он обычно проявлял до первого выстрела со стороны противника, а когда начинался бой, он немного успокаивался, но блуждающие взгляды по сторонам выдавали его состояние. Однако я ни одного раза не видел, чтобы Павел Барышев отступил перед врагом. Он был вместе с нами на мысе Могильном, где погиб его очень хороший друг Юрий Михеев. Павел плакал тогда, плакал, весь сжавшись в комок, но он, маленький и щуплый, нес на своих плечах по сопкам солидного, тяжелого, с перебитыми ногами Федора Шелавина. Что удивительно, Барышев не скрывал своего страха, но если кто-либо другой начинал разговор о слишком большой опасности, он беспощадно обрывал малодушного, предупреждая, что с таким настроением не место в отряде.

Один раз долго искали, где бы прихватить «языков», как на дороге показались машины, и я приказал взять хотя бы шоферов. Нас было мало, машины шли неплотной колонной, и так случилось, что Барышев оказался один на один с большим грузовиком, где в кабине сидели три егеря. Автоматной очередью Павел остановил грузовик, убив шофера и еще одного солдата, а третьему приказал вылезать. Егерь вылез, но, увидев, что перед ним всего-навсего один, раза в полтора ниже его мальчишка, поднять руки не пожелал и бросился на Барышева. А Павел ухитрился нанести ему такой удар в челюсть, что верзила-егерь растянулся на дороге во всю свою длину и потом долго стоял на четвереньках, с испугом глядя на маленького богатыря и опасаясь подняться на ноги. Больше он сопротивления не оказывал.

На Крестовом, после разгрома батареи, мы еще весь день отбивали атаки врага, обороняя одну сопку. Павел Барышев командовал одной из маленьких штурмовых групп, в задачу которых входило поспевать туда, где складывалось наиболее опасное положение. И Павел успевал всюду, и не только успевал, он всегда находился в самой гуще боя, готовый в любую минуту оказать товарищу помощь. Там же, на Крестовом, только в рукопашных схватках он уничтожил больше десятка фашистских егерей. Спрашивали его: «Как же так, он и ростом-то от горшка два вершка, а валил с ног егерей, у которых минимальный рост 176 сантиметров?»

Усмехаясь, Павел отвечал любопытным:

— Мал золотник, да дорог, это понимать нужно.

Что ж, в данном случае он был прав.

А. Никандров

Особым уважением у разведчиков отряда пользовался получивший уже на Дальнем Востоке звание Героя Советского Союза мичман Никандров. Александр Михайлович Никандров еще до войны отслужил свой срок службы на флоте, успел демобилизоваться. С началом войны он был призван вновь и зачислен в наш отряд. Никандрова называли в отряде «морским волком», и это название подходило к нему. Александр Михайлович, всегда подтянутый, стройный, любил порядок, был требователен, но справедлив. Он был требовательным к себе и к товарищам всюду — и на отдыхе, и в бою; в его сознании не укладывалось, как можно, не выполнив задания, живому, без царапины вернуться на свою базу.

На мысе Могильном, о котором я уже рассказывал, в тяжелое положение нас поставил отступивший батальон морской пехоты; с батальоном вместе отошли раненый командир нашего отряда и часть разведчиков. Никандров делал все возможное, чтобы остановить батальон. Он уговаривал офицеров, кричал, ругал бойцов, но это не помогло. Тогда Никандров с двумя разведчиками, Горшковым и Пановым, вернулся на мыс. Разведчики не сумели пробиться к нам на Могильный — перешеек уже был занят врагами, но они не ушли из этого района. Весь день шел бой на Могильном, и весь день группа Никандрова периодическими ударами по атакующему врагу заставляла фашистских егерей посматривать и на свой тыл.

У разведчиков было мало патронов, и они не могли нанести врагу сильный урон, однако и то, что они делали, держало в постоянном напряжении егерей. Фашисты много раз пытались уничтожить разведчиков, которым приходилось отходить, прятаться в скалах, но каждый раз они возвращались и своим огнем помогали нам отбивать атаки. А когда мы начали прорыв через перешеек, Никандров с товарищами сам пошел в атаку.

Мы встретились с Никандровым уже у побережья Мотовского залива, у мыса Пикшуев, куда обе группы благополучно добрались. Никандров подошел к нам, смущенно пожал мне руку и сказал:

— Извини, Виктор, пытались пробиться к вам, да сил не хватило.

Я обнял его. Я понимал, если человек, когда отошли все, остался, решив лучше погибнуть, но не бросать товарищей в беде, — это настоящий человек, который никогда не подведет.

Не только тогда, но и во время тяжелой схватки с японцами на мосту в корейском городе Сейсин Александр Михайлович проявил себя не только мужественным человеком, но и настоящим мастером рукопашного боя.

Я обратил внимание, что Никандров в этом бою все время улыбался, что вообще-то с ним случалось редко, и, когда последняя атака врага была отбита, я спросил Никандрова:

— Скажи, Александр Михайлович, что это тебя так развеселило в бою, кому или чему ты все время улыбался?

— Чудно как-то все получалось, — опять с улыбкой ответил он, — весь день японцы бегали от нас, думал, что так и закончим войну, не испытав самурайского духа. А сегодня, как поперли они по мосту, кричат, воют, честно говоря, страшно стало, а когда подбежали поближе, смотрю, орут-то они сильно, а глаза как у мошенников бегают. Вот тут и веселее стало, думаю, что шумом-то они не нас пугают, а себя подбадривают, не велик, вижу, дух-то самурайский. А тут еще Бывалов так размахался своим пулеметом, тут, конечно, засмеешься. Верил я, что не сломить этому стаду нас, уж больно ребята наши хороши.

Возможно, следовало бы поставить на этом точку в нашем разговоре. Но очень уж хочется мне рассказать о некоторых неизвестных пока деталях уже знакомого многим эпизода Великой Отечественной войны по книгам писателя В. Панова «Боцман с «Тумана» и «Орлы капитана Людова», в которых использована биография нашего отряда, а также по роману В. Пикуля «Океанский патруль». В этом бою, который принес отряду большую славу, ярко проявились те качества, о которых говорилось выше, и они, эти качества, как раз и решили судьбу самого трудного задания из всех выполненных отрядом в течение войны.

Хочу рассказать о так называемом «ключе от Петсамо», о том, как нам удалось добыть его в жестокой схватке с врагами.

Об этом ключе много говорили наши моряки, особенно в соединениях торпедных катеров. Знал и я, что называют ключом от Петсамо мыс Крестовый, но почему именно его — до меня не доходило. На Петсамо наступали крупные силы войск Карельского фронта при поддержке кораблей Северного флота, достаточного количества авиации, и вдруг Крестовый... Верно, мыс этот, как кинжал, своим острием был направлен на узкий выход из Варангер-фьорда в Петсамский залив, и при наличии на нем мощных оборонительных сооружений ни один корабль проскочить туда был не в состоянии. Все прояснилось лишь тогда, когда командующий флотом адмирал А. Г. Головкин, вызвав меня к себе, с озабоченным видом спросил:

— Ты знаешь, что такое ключ от Петсамо? — И не дожидаясь моего ответа: — Флоту приказано высадить десант в порт Лиинахамари, что рядом с Крестовым. Потом с Крестового через залив корабли перебросят шестьдесят третью бригаду тоже в Лиинахамари, чтобы сковать, а лучше разгромить фашистские войска на правом берегу залива, не дать возможности использовать их для обороны Петсамо. Ты отлично знаешь этот район, знаешь, что такое Крестовый с его мощными оборонительными сооружениями. Мы не войдем в Петсамский залив, пока он в руках у гитлеровцев, значит, не выполним задачу и затрудним захват Петсамо.

— Ну а мы?..

— А вы, — продолжал адмирал, — вы разведчики, боевая задача вроде бы и не для вас. Но учти, что армия прорвала оборону врага, ввела в прорыв полк, а до Крестового по тундре, по сопкам больше сотни километров. Полк не иголка, его не скроешь, и теперь он обороняется. Мы использовали авиацию — несколько сот бомб сброшено на Крестовый, а вокруг Крестового высокие сопки, сильная зенитная оборона. Бомбы бросали с большой высоты, Крестовый не пострадал. Все ли тебе ясно, Леонов?

— Ясно, но пока не до конца, — ответил я.

— Да нет, вижу по глазам, что ты все понял до конца, и считай, что вам повезло. Решить такую задачу, послать маленький отряд против Крестового, один я не имею права, тут должно быть согласие командующего Карельским фронтом... Правда, когда один из работников его штаба сказал, что Леонов наш земляк, зарайский парень, командующий улыбнулся, разрешил: «Коли зарайский, пусть идет, будем надеяться». Ты понимаешь, что в этой шутке большой смысл!

Как, сумеете выполнить важную для всех нас задачу? За вашу судьбу опасаются, но вам верят и на вас надеются. Ключ от Петсамо должен быть в нашем кармане. Это избавит войска от излишних потерь.

— Есть! — коротко ответил я.

Этот обычный ответ разведчиков означал, что задача понята и будет выполнена.

...Нас высадили на территории Финляндии. Отряд сразу же начал движение к мысу Крестовому. Двое суток, почти не останавливаясь, через сопки, болота, по трещинам и ущельям, труднопроходимым тропинкам, скрытым и надежным, мы пробирались к Крестовому. Погода была скверная. То дождь, то снег, по ночам мороз. Было более чем тяжело, если учесть, что каждый разведчик нес на себе груз не менее тридцати килограммов.

Только на третью ночь мы подошли к Крестовому. Было очень темно, пасмурно, действовали мы на ощупь. И вдруг ракета... Стало светло. Это один из разведчиков в темноте наскочил на сигнальную проволоку. Перед нами часовой. Его рука метнулась к кнопке сигнала. И уже падая, сраженный пулей, он успел включить сигнал тревоги.

А батарея — вот она, рядом! До ближайшего орудия не более тридцати метров. Но оно за проволочным ограждением, которое так просто не перепрыгнешь, проделать же проход мы уже не могли — фашисты открыли ураганный огонь. Автоматы, пулеметы били непрерывно, с каждой секундой все ожесточеннее. Затягвали крупнокалиберные пулеметы, и, наконец, ударила картечью в упор артиллерия... Никаких позиций у нас не было и в помине — просто лежали мы за проволочным ограждением, вжимаясь в землю. Пришлось дать команду: «Действовать кто как может, сообразуясь с обстановкой по группам, но через минуту всем быть на батарее».

Конечно, это не та команда, которую командир выкрикивает привычным голосом, поднимая подчиненных в атаку. Здесь все — тихо, вполголоса. Но команда мгновенно доходит до всех групп.

Первым вскочил с земли замечательный парень, комсомолец, старшина первой статьи Володя Фатькин. Он бросил свою куртку на колючую проволоку и собрался уже перескочить на ту сторону. Но из бетонированной ячейки с короткой дистанции по нему ударила спаренная пулеметная установка, до той поры выжидательно молчавшая. Володя замертво свалился на землю. То же самое проделал

секретарь нашей комсомольской организации старшина первой статьи Саша Манин. Как и Фаткин, он был командиром группы. Когда пулеметы стали поворачиваться к нему, он стремительно бросился в глубь батареи, в точно рассчитанный момент, скорее интуитивно, упал, пропустив струю огня над головой. Тут он вскочил и молнией метнулся к бетонированной ячейке с гранатой в руке. Раздался взрыв. Манин погиб, жизнью своей проложив боевым друзьям первую тропинку на батарею. Полетели другие куртки, разведчики перекатывались через них, завязывая отчаянную схватку на батарее.

В трех десятках метров от места первого прорыва заграждения наш богатырь, старшина первой статьи Иван Лысенко, накинув на голову куртку, подлез под крестовину, вырвал ее из земли и, взвалив на плечи, встал во весь рост, подняв колючку и пропуская на батарею товарищей. Пули одна за другой впивались в его могучее тело... Слабея, Иван торопил:

— Быстрее, быстрее. Больше нет сил...

— Потерпи чуть-чуть, Ваня, осталось совсем немного, — попросил кто-то из разведчиков.

— Тогда помогите, иначе упаду...

Рядом с Иваном Лысенко встал старший лейтенант Алексей Луппов. Вдвоем они пропустили всех разведчиков на батарею и упали рядом. Алексей скончался сразу, а Иван, получив 21 пулевое ранение, еще жил...

Потом, когда закончился бой на батарее, я склонился над Иваном. Он еле слышно спросил:

— Как задача?

— Выполнили, Ванюша! Выполнили! Спасибо тебе, — ответил я.

— Сколько погибло ребят?

— Совсем мало, несколько человек, — успокаивал я его.

— Тогда правильно. Если бы все через проволоку, было бы больше...

Это были последние его слова. Умирая, воин-герой не думал о том, что через минуту-другую расстанется с жизнью, он беспокоился о задаче, которую предстояло выполнить, о товарищах, которые должны были жить, чтобы продолжать борьбу с фашистами. Разумеется, это был не боевой азарт. Это была сознательная жертва собой во имя Родины, во имя счастья грядущих поколений. Именно

Линогравюра «Подвиг разведчика И. Лысенко»

в этом величие подвига Ивана Лысенко и Алексея Луппова, бес-
смертного подвига всех других героев.

Батареей мы овладели. Я уже говорил, что о бое на Крестовом
много писали. Но, бывало, читаешь иные строки и негодуешь, а не
радуешься тому, что дела твои, подвиги товарищей твоих не оста-
лись безвестными, что они стали известны народу, которому и по-
свящались. Авторы этих писаний почему-то стремились показать нас
эдакими бесшабашными, отчаянными людьми, которым море по
колени. Чего стоит, например, такая фраза: «Отряд Леонова, поль-
зуясь темнотой, ворвался на первую батарею и вырезал всех еге-
рей». Ох, как все просто! Ворвался и вырезал... А ведь там была
отлично организованная оборона: две батареи, торпедная станция,
больше десятка дотов, блиндажи, траншеи. И все это в бетоне, все
стреляет. Точно, продуманно, безжалостно и беспощадно. А нас
всего-навсего сотня человек. И то не полная. Нет, ножом или грана-
той до егерей не доберешься! Не ножи, не бесшабашная удаль раз-
летная, а точные знания, скрупулезный учет всех наших
возможностей, в том числе морального превосходства над врагом,
идейного заряда, воли к победе — только все это, помноженное на
сознание своей величайшей ответственности за выполнение при-

каза, только все это, вместе взятое, помогло нам захватить неприступную батарею.

Но захватить — еще полдела. А как ее удержать? Сколько нужно для этого оружия и боеприпасов? Вот тут-то сказалось и еще одно наше преимущество — мы отлично владели всем оружием врага.

Без всякой команды группы, действуя самостоятельно, принимали одинаковое решение. Нужны орудия? Пожалуйста! Буквально через пять-шесть минут все четыре орудия этой батареи начали расстреливать своих же хозяев. В упор прямой наводкой мы крушили доты, блиндажи — все, что окружало батарею. Удалось нам даже потопить катер с десантом, который летел во всю прыть из Лиинахамари на помощь гарнизону Крестового. Запылала цистерна с бензином. Теперь по моей команде два орудия перенесли огонь на соседнюю батарею и разгромили ее. Это была тяжелая батарея, нацеленная в сторону моря, и мы ударили по ней с тыла.

Поднялась отчаянная паника. Егеря выскакивали из дотов, блиндажей, землянок и попадали под прицельный автоматный огонь разведчиков. В штаб батареи непрерывно шли телефонные вопросы: «Что случилось?! Почему своя батарея расстреливает своих?» Но штаб был уже в наших руках, и заместитель командира батареи под нашим контролем отвечал: «Пришла бригада морской пехоты русских и, если нет желания погибать, то самое время сдаваться». Попробуйте разобраться ночью — бригада тут или горстка людей, когда кругом все горит и стреляет...

Наконец фашисты поняли, что им грозит. Егеря разбежались. Часть их устремилась на вторую батарею, а большинство — к перешейку.

К рассвету все было кончено. Ключ от Петсамо лежал в нашем кармане. Из всех оборонительных сооружений могла действовать только одна батарея — та, которую мы держали в своих руках. Мы дали командующему флотом заранее зашифрованную радиogramму: «Задание выполнено». Ответ получили примерно через час: «Отходите, если есть возможность, не рискуя, держитесь, скоро придут корабли».

Уже было светло. Отходить через перешеек, где сосредоточились фашисты, прорываться через их оборону — это гибель. Держаться на батарее, которая стоит на открытой местности и которую враги буквально засыпают минами и снарядами, тоже нельзя.

Кроме того, они поняли, что на Крестовом никакая не бригада, а горстка людей, и начали отчаянные контратаки. Нам было ясно и то, что днем корабли не придут, а сколько нас уцелеет к концу боевого дня — неизвестно. Батарея может вновь оказаться в руках врагов и встретить наши корабли сильным прицельным огнем.

Мы отошли на сопку, захватив с собой замки от орудий. Позиция вроде бы надежная. Но гребень оказался длиной метров восемьсот, шириной от двадцати до сорока. Получилась площадка, изрезанная трещинами, усыпанная валунами — бегать по такой очень трудно. А бегать нам пришлось много. Организовать круговую оборону невозможно — не хватало ни людей, ни боезапаса. Я приказал дорожить каждым патроном, но как долго придется экономить, если враги полезут направо?..

А сопка уже окружена плотным кольцом. Начинаются первые атаки с разных сторон. Правда, они пока еще робкие. Егеря щупают нашу оборону. Разведчики легко отбивают их. А боезапас тает... Что делать? Как создать надежную оборону в таких условиях? Казалось, что выхода нет.

И тут меня осенило. Вспомнился мой первый поход в тыл врага, первый бой. Тогда я в безвыходном положении, с отказавшей винтовкой, не успев примкнуть штык, бросился на офицера, за спиной которого бежали на меня десятка два солдат. Он остановился. Мы видели глаза друг друга, и я вдруг понял, что он боится смерти!.. Я смогу добежать до него, и, возможно, потом солдаты растерзают меня. Но его уничтожить я успею. То же самое и он прочитал в моих глазах и бросился назад, к своим укреплениям. Солдаты, видя убегающего офицера, старались не отстать от него. Сам по себе этот эпизод мог бы и позабыться, если бы он потом не проверялся мной и моими товарищами в других походах и боях. Смелость, решительность всегда помогали нам добиваться успеха. Вот так и подтверждался психологический закон рукопашного боя: «Из двух противников, идущих друг другу навстречу, один обязательно струсит». Лишь разумное использование этого закона могло дать нам возможность продержаться до прихода кораблей.

У начальника штаба отряда капитана Федора Змеева была перебитая рука. Я подчинил ему раненых и тех молодых разведчиков, которые стали уже уставать. Он использовал их как наблюдателей и связных. Отряд разбили на две штурмовые группы, которые придер-

живались центра площадки. Атаки егерей с разных направлений становились все яростнее и настойчивее, но у нас уже сложился четкий план обороны, выполняли мы его строго.

Как только наблюдатели с какого-то направления давали сигнал о начале атаки, одна из штурмовых групп немедленно бежала туда. Она не стреляла по атакующим, а готовилась к рукопашной схватке. Огонь вели только наблюдатели, и то одиночными выстрелами, иногда они бросали гранаты.

Когда противник подступал вплотную — на двадцать — тридцать метров, в зависимости от рельефа местности, штурмовая группа спокойно, без суеты, с улыбкой выходила навстречу. Был приказ — улыбаться всем обязательно! Пусть сердце врага сжимает страх перед бесстрашием. Если у тебя на глазах даже слезы — ты все равно обязан улыбаться! Улыбаясь, разведчики распахивали грудь и показывали тельняшку. Улыбка да тельняшка — это не прихоть командира, это предостережение для противника — думай, куда ты лезешь! Думай, потому что здесь победа тебе не светит! Ты будешь уничтожен этими улыбающимися «черными дьяволами» в тельняшках! Они так называли нас, потому что боялись. И мы знали об этом и старались максимально использовать свое психологическое превосходство. А поняв свою обреченность, вернее, почувствовав ее, враг неизбежно терял свою боеспособность.

Так и улыбка с тельняшкой стали нашим оружием. Враги не выдерживали этого давления на психику, начинали оглядываться по сторонам — не подвох ли тут какой-то, нервничали и в конце концов приходили к выводу: «Эти ребята назад не повернут... Значит, погибать мне, если схвачусь с ними врукопашную, а если я отбегу метров на двадцать назад, то хлестну по ним из автомата...» И бежали они вспять, и открывали огонь по нам. Но мы уже были опять на сопке, откуда забрасывали их гранатами. А их у нас было достаточно, егеря оставили нам весь свой арсенал.

Конечно, мы понимали, что так долго продолжаться не может, чтобы мы только ходили да улыбались, а они смущались и бегали от наших улыбок, как зайцы. Где-то произойдет перелом — они привыкнут, и решительное столкновение неизбежно. А врагов на Крестовом становилось все больше и больше — они просто захлестнут нас. Нужно поддерживать их страх, чтобы они раз и навсегда поняли, что в рукопашных боях кроется их верная гибель. В таких

коротких схватках мы и демонстрировали свое виртуозное мастерство, владея без промаха холодным оружием, а также боевую спайку, где все мы — единый монолит, сквозь который даже самой мощной волной не перехлестнуться.

Было место, где егеря атаковали почти непрерывно: два обрыва, а между ними ровный, некрутой подъем длиной метров десять и шириной около двадцати. Меж кустов и камней они ползком добирались до этого удобного для атаки подъема. Здесь, накопив достаточно сил, они запросто могли прорваться к гребню сопки, что осложнило бы наше положение. Пришлось применить маленькую хитрость. Мы дали им возможность сосредоточиться в камнях. Когда первые егеря выскочили оттуда, они встретили крохотную группку разведчиков, которая сделала несколько неуверенных шагов вперед и повернула назад, на вершину сопки. Их сразу же стали преследовать наиболее прыткие егеря. На сопку ворвалась лишь часть атакующей колонны. В это время с обрыва спрыгнули две группы разведчиков, разорвали колонну, какое-то время преследовали уже убежавших вниз егерей, а потом спокойно вернулись на сопку, ударив с тыла по тем, которые здесь были скованы, и мы сбросили уцелевших с обрыва вниз. Это был хороший урок для противника. На этом участке тоже наступило долгое затишье.

На другом участке обороны — высокий обрыв. Наблюдателей там маловато, притом некоторые из тяжелораненых сильно устали. Начальник штаба решил снять наблюдателей у обрыва и направил их на другие участки, считая, что по такому обрыву егеря подняться не сумеют. А они поднялись... Когда я с пятью разведчиками шел к радистам дать радиограмму, фашисты выскочили из-за камней и бросились на нас. Егеря, минимальный рост каждого не менее 176 сантиметров, все без головных уборов, с винтовками наперевес, уверенно и нагло шли вперед, охватывая нас полукольцом. Мы дали сигнал о помощи и стремительно сблизилась с ними. У нас не было винтовок, но при первом же столкновении заполучили их из рук врагов... Мои пятеро друзей были отменные мастера своего дела. Егеря на какое-то мгновение растерялись, а к нам подоспела помощь — большая группа разведчиков. Здесь и разгорелся настоящий рукопашный бой. Бой вынужденный: и нам отходить некуда, и им с обрыва прыгать опасно. Но егеря теперь только защищались, пятясь назад. Я заподозрил, что они что-то приспособили для

Немецкий десант. Рисунок Г. Лиске

подъема. Надо было срочно найти это место и не дать подняться новым егерям — тогда сопротивление прекратится. Я рвался к краю обрыва и вдруг увидел неподалеку разведчика, с бешеной яростью наносившего удары врагам. Это был Андрей Пшеничных. Невысокий ростом, сухощавый, с темным цыганским лицом, он как-то весь преобразился. Лицо белое, губы синие, бьет и сам стонет от своих же ударов. Это опасно, человек, чтобы победить в рукопашной схватке, обязан контролировать каждое свое движение, не допускать ошибок. Я хотел крикнуть ему, чтобы укротить его пыл, но не успел. Андрей ударил штыком, но егерь оказался опытным, уклонился от удара, и, промахнувшись, Андрей упал. Фашист занес приклад винтовки над головой Андрея. Несколько разведчиков бросились к Андрею. Но ведь врагов много, пробиться трудно. Старшина первой статьи Павел Барышев кричит:

— Андрей, держись, иду на помощь!

Рядом с Барышевым старшины первой статьи Михаил Кологанский и Семен Агафонов. Все шумят, рвутся к Андрею. Поторопился и я, но передо мной как из-под земли выросли два егерь. Это пустяк, но от неожиданности я на какое-то мгновение закрыл глаза и тут же

получил удар штыком... Когда раскрыл глаза, то картина была уже совсем другой. Андрея как ветром сдуло с камня, а егерь с удивлением рассматривал свою невесть как разбитую винтовку, но, получив сзади удар от Пшеничных, упал, так и не поняв, что же произошло...

День почти заканчивался, заканчивался и наш боезапас. Если за ночь не подспеют корабли, то завтра нам будет туго... Надо заранее искать пути выхода из окружения. Пока еще было что-то видно, я послал двух разведчиков — старшин второй статьи Пшеничных и Гугуева — обследовать склон...

На Крестовый к противнику подходило подкрепление. Катера перебрасывали через залив десанты на наших глазах, а мы ничем не могли помешать им... Вдруг слышим, строчит наш автомат. Ясно, это бессильная ярость Пшеничных и Гугуева, а у них всего-то не более полусотни патронов на двоих... Катер в тишине подходит к побережью, сбрасывает длинную узкую доску-сходню, по которой нужно пробежать с известной сноровкой, потому что она сильно качается. Видим, высаживаться собираются не специальные войска — очень уж долго толпятся они на носу катера, пока, наконец, не начинают движение. Идут цепочкой, цепляясь друг за друга.

Вдруг из-за камня выскакивает Андрей Пшеничных, прыгает на сходню и бежит навстречу врагам. Встреча происходит примерно на середине сходни. Приклад автомата разведчика ходит поочередно по головам фашистов... Андрей так старательно трудился, что у него треснул приклад автомата. Так и хранится он ныне в музее Северного флота — расколотый автомат Героя Советского Союза Андрея Петровича Пшеничных! Андрей хитрец — все учел! Окружить его не могут — сходня узкая, одолеть один на один тоже... И стрелять с катера не могут — попадут в спину своих же солдат. Командир катера ничего иного не смог придумать, как дать задний ход. Катер резко рванулся, и сходня упала в воду. Андрей очутился рядом с двумя дюжими верзилами. Когда с катера открыли пулеметный огонь, он уже отправил их на дно, а сам юркнул в камни и благополучно вернулся на сопку.

Андрей Пшеничных очень толково доложил мне о возможностях нашего прорыва и, довольно улыбаясь, добавил:

— По ходу выполнения мы там еще катер с десантом малость шуранули.

Я ответил ему:

— Видели мы, как ты шуровал десант. Здорово, ничего не скажешь. Только вот, когда вернемся на базу, придется тебе ответ держать. Заодно — подумать, к чему все это могло привести. Сумасбродство какое-то.

Пшеничных знал, что я не прощал только явных ошибок, если их совершали разведчики в бою, и поспешно возразил:

— У меня все было рассчитано, товарищ командир!

— Ну а если бы на катере не попятились, а вытащили сходню на палубу? Где бы ты был теперь, герой? Никто не смог бы тебе помочь. А?

— Вы не заметили, товарищ командир, что в левой руке я держал противотанковую гранату? Вот то-то! Навел бы там свои морские порядки, — спокойно заявил Андрей.

Трудно сказать, какие порядки наводил бы Андрей Пшеничных на катере врага. Но он предвидел такой вариант, значит, готов был к нему. При своей общей незаурядной подготовке он наверняка нашел бы выход и из этого положения.

Когда окончательно стемнело, гитлеровцы, поняв, что им не одолеть нас, решили уйти с Крестового. Вдоль залива к перешейку потянулась колонна егерей с грузом. Блокада нашей сопки значительно ослабла. Однако мы решили не выпускать колонну, оставили свою сопку, быстро добрались до перешейка и заняли там оборону. Почти всю ночь пресекали мы вражеские попытки вырваться с Крестового. Шли уже четвертые сутки наших действий без сна и отдыха. Но все без исключения разведчики находили в себе силы разить врага беспощадно.

Перед рассветом в залив вошли наши корабли и высадили десант в порт Лиинахамари. Крестовый молчал, и ни один наш корабль не получил каких-либо серьезных повреждений. После высадки нашего десанта фашисты затаились. Мы подумали, уж не нашли ли там они какой-либо лазейки, не просочились ли через нашу оборону? Но нет, они готовились к атаке. Это была последняя их атака.

Не маскируясь, на нас бежала толпа егерей с губными гармошками, свистом, криками, беспорядочной стрельбой. Она приближалась к перешейку. Мы лежали почти на ровной местности, и лишь маленькие кустики да мелкие камни-валуны прикрывали нас. Опять встал вопрос — что делать? Боезапаса нет, встать и

сразу пойти им навстречу?.. Можно, конечно, враги, безусловно, струсят. Но побегут ли они назад? Ведь некуда. Перебраться в Лиинахамари нельзя — там наш десант. Добежать до оконечности мыса и занять там оборону? Да надолго ли — знали они, что по нашим следам действительно идет бригада морской пехоты. Она вот-вот появится на Крестовом, и надо поскорее вырваться из наших цепких рук...

Самое правильное их решение — залечь и открыть огонь. Он вынудил бы и нас залечь. Но у нас нечем стрелять...

Вот когда к нам пришло жгучее ощущение опасности. Противник пошел бы в наступление по всем правилам тактики — не толпой, а перебежками, ползком, под прикрытием огня. Худо пришлось бы нам в этом случае. Действительно, встать перед каждой группой и улыбаться ей?.. Под огнем врага это потери и потери... Но встать мы должны были обязательно! Когда? В этом и вся сложность вопроса. Нужен момент. Встать надо, когда враги не успеют залечь, и решительно сблизиться с ними. Но даже если один из них с перепугу откроет огонь, это будет огонь в упор, в сердца разведчиков... Нужно думать, на что решиться...

А противник все ближе. Ребята начинают нервничать, и лишь когда я даю команду: «Оружие отложить, рукава засучить», — все успокаиваются и деловито выполняют команду. Фашисты видят, что мы бросаем оружие, и понимают все по-своему — готовятся брать нас в плен. Со свистом, улюлюканьем, звуками губных гармошек они без единого прицельного выстрела надвигаются на нас. Нам только того и надо...

Мы не изучали карате, модного теперь, но отдельные, самые опасные приемы из джиу-джитсу, самбо, дзюдо нами были соединены в систему и отработаны до совершенства. Фашисты взлетали и падали с криками, стонами, проклятиями. Их слышали те, кто был сзади, но помогать передним не могли. Остановить всю толпу сразу, мгновенно мы тоже были не в состоянии. Пришлось какое-то время пятиться назад. Гитлеровцы не выдержали психологического поединка. Понимая, что одолеть нас в рукопашной нельзя, они вдруг повернули и побежали к оконечности мыса.

Кончилось все тем, что 127 егерей стояли с поднятыми руками, а это гораздо больше всей численности нашего отряда. Потом весь день они собирали своих убитых и хоронили их в траншеях.

Вот, пожалуй, и все. Я рассказал только отдельные эпизоды из боевых биографий самых простых, обыкновенных разведчиков нашего отряда. Это разные люди по возрасту, образованию, условиям жизни, но все они настоящие патриоты, все они прошли одинаковую школу подготовки в отряде, все сумели совершить самый трудный подвиг — воспитать в себе несокрушимую волю, и поэтому в боевых действиях они походили друг на друга. Такими были все разведчики отряда.